
E 40 — 49

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

С. ДОЛИНСКИЙ.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

1905 9-I-22 1925

В. Д.

„НОВАЯ МОСКВА"

БИБЛИОТЕКА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МК РЛКСМ

СЕМЕН ДОЛИНСКИЙ

„КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ"
9 ЯНВАРЯ 1905 г.

К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Пособие для рабочих, комсомольских и школьных клубов.

„НОВАЯ МОСКВА"
1925

Отпечатано в 3-й тип. и
слов „Мосполиграф“, им.
Богуславского. Мал Гру-
зинская ул., Охотн. пер.,
дом 5/7, в колич. 9.000 экз.
Мосгубл. № 15054. Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник составлен автором в плане тех теоретических и практических заданий, которые он постарался решить совместно с тов. Бергманом в книге „Массовая работа в клубе“ [1]).

Основных моментов при составлении настоящего сборника было два: 1) подбор форм массовой работы и возможно большее их разнообразие, причем формам самодеятельным отдано предпочтение, 2) участие в той или иной форме всех кружков клуба на принципе комплексности и применения к современности.

Кроме живой газеты (план которой намечен условно и приблизительно) в книге помещен агитсуд, материалы для инсценировок, докладов, коллективной и сольной декламации и программа комплексного кружка по 1905 году, тематического и кратковременного с установкой на 9 января (22 января).

Отныне 9 января должно быть, в особенности, тесно связано с В. И. Лениным и ленинизмом, отсюда два главных отдела („В. Ленин о 9 января“, „Большевики и меньшевики в день 9 янва-

---

[1]) Изд. „Работник Просвещения“. М. 1924 г., стр. 192.

ря“), отсюда план построения живой газеты, пропитанной ленинизмом, включающей схему В. Каринского — „Октябрь“ и кончающейся коммунистической клятвой.

Внимательный читатель заметит характер материала, помещенного в книге. Это лишь схема, наполнить которую творческим содержанием должны сами клубисты.

Автор.

I. Методические указания к проведению дня 9 января.

Подготовка ко дню 9 января должна проводиться всеми организациями клуба: активным ядром клубистов, кружками, библиотекой. Должна быть создана специальная комиссия по проведению дня 9 января, координирующая деятельность отдельных лиц и организаций. Организатор или организационная комиссия, прежде всего, намечают программу, приспособленную к основному типу клуба, а равно и чисто местным и техническим условиям, и намечают меры и способы втягивания клубистов в организационную работу. Организаторы должны тщательно ознакомиться с основными материалами по истории данного события и соответственно взять при подготовке определенный „угол зрения", определенный тон. Каждому из участников и организаторов должно быть дано совершенно определенное задание, определенная роль, за точное своевременное проведение которых он отвечает. Ознакомление организаторов с историческими элементами и значением события, правильно взятая и приспособленная к местным условиям программа, организован-

ная и спокойная работа всех участников — вот условие технически удачного проведения воспоминания памятных дней.

Предварительная работа. Кружки клуба за известное время до дня воспоминаний должны проработать материал, относящийся к событиям 9 января. В книге помещена программа комплексного кружка ко дню 9 января 1905 г. Проработка этой программы в кружке дает то активное ядро клубистов, которое и сценически оформит и выдвинет докладчиков для живой газеты. Нужно помнить, что в нынешнем году празднование 9 января есть только первое звено в цепи воспоминаний к двадцатилетию первой русской революции. 22 января 1925 года будет совпадать с днем траура по В. И. Ленине. Эти два важных фактора абсолютно необходимо учесть и пропитать все празднование духом ленинизма.

Библиотека реагирует на дни памяти вывешиванием рекомендательных списков, имеющейся у ней по данному вопросу литературы, а также устройством книжной выставки. Ко дню памяти выпускается очередной номер стенной газеты или журнала, посвященный этому дню. Непременно следует организовать небольшую выставку, посвященную воспоминаемым событиям. Поместить ее можно в клубе. Материалами послужат вырезки из газет и журналов, рисунки и фотографии, портреты, предметы, имеющие то или иное

отношение к данным событиям и все работы клубистов. Этой выставкой, подготовкой материалов для нее должны быть заинтересованы все. Каждый может что-нибудь подобрать, нарисовать, склеить, написать. В помещении клуба развешиваются лозунги на темы дня и соответствующие цитаты, обработанные, как плакаты, по возможности, иллюстрированные. Нужно применять системы разных мелких заданий, поручений. Можно применить и конкурс на стихотворение, инсценировку, плакат, картину и т. п.

Дни воспоминаний. В день воспоминаний помещение, в котором они будут происходить, и примыкающие к нему комнаты должны быть украшены и декорированы соответствующим образом. Туда сносятся и выставка по истории событий, и книжная выставка, все плакаты, картины и рекомендательные списки. Огромное значение при проведении дней памяти имеет та организованность и порядок, которые сплачивают всех участников и зрителей в одну семью, в один совместно действующий и переживающий коллектив. Для всех выступлений, всех моментов, должны быть ответственные распорядители, подчиненные главному организатору, немедленно проводящие в жизнь все его распоряжения. Никаких проволочек, затяжек и метания без толку не может быть. Все следует проверить в генеральной репетиции.

Если тон воспоминания, его основная идея достаточно выдержаны, и каждое новое действие,

стихотворения или песня только углубляют впечатление, то и антракты следует использовать для этой же цели. Вместо беспорядочных блужданий по коридорам и разговоров следует проводить пение хором всех зрителей хорошо знакомых революционных песен, политические игры, лотереи и шарады, относящиеся к празднованию. Эти политлотереи и шарады следует заблаговременно организовать. Политлотерея наилучшим образом покажет, насколько усвоено данное событие. На билетиках лотереи следует писать легкие вопросы по воспоминаемому событию. Давшим наилучшие ответы выдаются какие-либо премии. На вечере должен быть один основной доклад, ярко и сжато формулирующий основные тезисы в общепонятной и увлекательной форме. Все остальное, все детали можно отлично рассказать и на агитсуде и в живой газете, в инсценировках. Вообще лучше показать, чем рассказать.

Старая система чествования, заключающаяся во многих докладах и последующей драматической (пьесы) и музыкально-декламационной части, отжила свой век.

Особенное внимание следует уделить агитсуду. Все старания прилагаются, чтобы зрители почувствовали себя действительными участниками суда. И для этого и непосредственные участники должны быть на высоте и достаточно организованы и подготовлены. Для оживления суда можно применить

несколько комических моментов, если позволяет случай, но фарсу нет места в агитсуде. При входе суда („суд идет“) и во время прочтения приговора всех приглашают встать.

Также внимательно следует отнестись и к постановке живой газеты. Тут самое важное — яркость, живость, темп „издания“ газеты. Самое выступление со статьями, сообщениями нужно разнообразить. Одно сообщение принимается по телефону, другое по телеграфному аппарату, тут же находящемуся. Редакция заседает за особым столом, который уносится при инсценировках. Прибегают курьеры с известиями и т. п. Следует применить волшебный фонарь, демонстрацию плакатов, диаграмм, картин, портретов. Статьи и сообщения перемешиваются с декламацией, инсценировками, живыми картинами и т. п. Особенно важное известие следует почти выкрикивать, возбужденно и взволнованно.

Последующая работа. После дней воспоминаний необходимо устроить совещание участников и организаторов для обсуждения достоинств и недостатков подготовки и проведения. Составляется отчет о проведении этих дней и учитывается опыт. Отчеты и критические замечания помещаются в стенную газету, журнал или обсуждаются на общем собрании.

Если местные условия и содержание дней памяти позволяют — следует провести экскурсию в музей, картинную галлерею, на завод, фабрику

и т. п. Вообще же содержание, элементы, вспоминавшегося события нужно расширить и связать с общей историей мирового революционного движения.

II. Исторический очерк — „9 января 1905 г.“.

9 января 1905 г. кладет резкую грань между Россией старой, царской, и новой, проснувшейся, почувствовавшей новые силы. В январе 1905 г. громким голосом заговорил тот класс, существование которого оспаривалось не только врагами, но и „друзьями“ (например, эс-эрами, кадетами).

9 января 1905 года, впервые полным голосом выразил свои требования российский пролетариат.

Два взгляда на развитие русского капитализма.

Середина и конец 90 годов прошлого столетия в России были ознаменованы сначала идейной, а потом реальной борьбой двух течений „общественной мысли“, отражавшей два классовых учения: народничества (мелко-буржуазного) и марксизма (пролетарского). Борьба шла вокруг вопроса о судьбах капитализма в России, быть или не быть капитализму в России; из этого теоретического вопроса вытекали глубокие практические задачи. Если капитализм воцарится в России, он неизбежно родит и своего врага и антипода—пролетариат. Народники, в лице Н. К. Михайловского (группа „Русское Богатство“), отстаивали незыблемость „устоев“. Пути России своеобразны и

самобытны, через общину русский народ придет к социализму.

Марксизм в лице Бельтова (Плеханова), Ильина (Ленина) и др. дал генеральный бой маниловской теории народничества, статистически, цифрами, а главное — фактами, опровергал благодушную веру народников и устами Плеханова еще в 1889 г., на 1-м конгрессе II-го Интернационала, заявил, что — „русское революционное движение восторжествует, как рабочее движение или вовсе не восторжествует“. Это казалось смелым, ибо тогда в России было $1^1/_2$ миллиона пролетариев против 100-миллионной массы крестьянства.

Зарождение социал-демократии. Мировой кризис 80-х годов создал в Европе сильное обесценение капиталов, заставил искать новых рынков, и Россия — страна наибольшего процента на капитал — стала притягательным магнитом. Иностранный капитал хлынул в Россию, „американским“ темпом шло насаждение городов, устройство фабрик и заводов.

Кризис 90-х годов и необычайное оживление в русской промышленности (с 95 до 96 годов) показывали, насколько тесные узы связывают российских Тит Титычей, Колупаевых и Разуваевых с европейскими капиталистами. Российский капитализм стал фактом.

Наравне с ростом „отечественного“ капитализма, шел рост и сплочение его врага — российского пролетариата. Группа „Освобождение труда“,

зародившаяся за границей, в Женеве (Плеханов, Дейч, Засулич, Игнатов и Аксельрод), крепкими щупальцами связывается с разгорающимся рабочим движением. В 90-х годах уже почти все крупные центры России выделили местные политические организации — „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса“, а в 1898 г. состоялся первый с'езд этих организаций в Минске, где и был заложен первый камень Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. В манифесте I с'езда партия заявила: „чем дальше на Восток, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие, культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: создание такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком“.

Две основные задачи формулированы отчетливо: 1) Завоевание политической свободы (минимум), 2) Осуществление социализма (максимум). Под знаком этих лозунгов передовой отряд русского пролетариата выходит на борьбу.

Рабочие волнения 900 г. Начало 1900 годов ознаменовывается целым рядом забастовок, стачек и демонстраций в Киеве, Москве, Саратове, Красноярске.

Везде раздаются громкие голоса пролетариев. Забастовки вспыхивают случайно и неорганизованно то экономические, то политические. Русский капитализм, взрощенный заботливой рукой графа Витте, который своими „реформами“ пытался спасти помещичье-буржуазный строй, отцветает, не успевши расцвести.

В 1902 году разыгрывается знаменитая Ростовская стачка в ж.-д. мастерских. Этой стачкой впервые руководит Ростовский комитет Р.С.Д.Р.П.

Зубатовщина. Правительство не знало, что делать. Сплошные обыски, массовые аресты не помогали— рабочее движение росло, ибо оно являлось не делом „кучки злономеренных лиц“, как называло его правительство царя, оно было вызвано протеворечиями „экономики и политики“ в России: абсолютный строй с монархом во главе и экономически сильный и организованный русский пролетариат. Наравне с жестокими репрессиями, русское правительство пытается овладет рабочим движением изнутри, наравне с волчьими зубами, появляется лисий хвост. Зубатов — бывший начальник Московского охранного отделения — подает в сферы докладную записку, где доказывает, что „рабочий класс—коллектив такой мощности, каким, в качестве боевого средства революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в моменты студенческих выступлений... Будучи раз'ярен социалистической пропагандой и революционной агитацией в напра-

лении уничтожения существующего государственного и общественного строя, коллектив этот неминуемо может оказаться серьезнейшей угрозой для существующего порядка вещей“. („Былое“ 1917 г. №4, Зубатов). Зубатов предлагает выход направить гнев рабочих не против правительства, а против капиталистов, вырвать пролетариат изпод власти злонамеренных агитаторов, искусно регулируя возмущение рабочих и направляя его в рамки легальности.

Правительство идет навстречу. Организуется, с благословения правительства, „Московское общество взаимного вспомоществования рабочим“, в Одессе охранник Шаевич организует „Союз машино-строительных и механических рабочих“. Под покровительством зубатовцев, организованные „союзы“ начали пробовать свои силы. В Одессе „союз“ выставил ряд экономических требований и об'явил забастовку на небольшом заводе, и вопреки воле охранников, забастовка стала расширяться и превратилась во всеобщую. Шаевич испугался вызванных „духов“, стал произносить речи, но масса прошла мимо него. Сверчков в книге „На заре революции“, так описывает этот момент: „Шаевич, получив громкий нагоняй из Петербурга, принялся ликвидировать движение, созвал огромнейшее собрание, на которое пришло несколько тысяч человек и обратился с речью, в которой доказывал пагубность революционной борьбы и говорил, что перед рабочими есть только два пути: один—

обратиться к правительству с изложением своих нужд и стать немедленно на работы в уверенности, что заявление будет рассмотрено и удовлетворено, а другой, — на который рабочих толкают социал-демократы, — это просто биться лбом о каменную стену и ничего не добиться.

Каким же путем вы хотите итти? — спросил он собрание, и получил единогласный оглушительный ответ: — лбом". (Сверчков, стр. 33).

Зубатовщина пережила себя. „Мощный коллектив" — рабочий класс России — постепенно освобождался от фетишей, он ломал легальные рамки и сквозь рогатки „полицейского социализма" шел к осуществлению своих задач, возвещенных в первом манифесте Р.С.Д.Р.П.

Не только „кровавое воскресенье" 1905 года сделало ясным для всего пролетариата России его историческую миссию—не теряя ничего, кроме цепей, освободить весь мир.

Война с Японией. 1904 г. открылся об'явлением войны: Япония „напала" на Россию. Истинные причины знали все. Лесные концессии на реке Ялу были предприятием царя, нескольких великих князей, адмирала Алексеева, камергера Безобразова и несколько других высокопоставленных лиц. Эксплоатации лесов и грабежам местного населения, практиковавшимся концессионерами, препятствовала Япония, как вечная соперница России на Дальнем Востоке. Во имя интересов японских и российских империалистов разгоре-

лась эта непопулярная война, непопулярная даже в буржуазных кругах, где открыто радовались поражениям российских войск.

— „С одной стороны невероятная тяжесть ложилась на сердце при мысли, что за личные интересы десятка великих князей и генералов, с царем во главе, отрываются от плуга и молотка сотни тысяч крестьян и рабочих, где десятки тысяч найдут смерть на полях далекой Манчжурии, а с другой — каждая победа японцев радостно отзывалась на душе: чувствовалось, что поражение терпит не русский народ, а самодержавие, что, проходя сквозь тело русского солдата, тонкие японские пули попадают в русский царский трон. Радость по поводу побед японцев была свойственна решительно всем передовым слоям русского общества, без различия партий. (Сверчков — „На заре революции“, стр. 39).

В. И. Ленин в газете „Вперед“ писал: „Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло бы от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы пока держится классовое господство вообще.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся

в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необ'ятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новый великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу". (Ленин — т. VI, стр. 39).

Обостренная экономическая и политическая обстановка, ненависть (по своему) всех классов общества против самодержавия, неудавшаяся война — вот фон, на котором разыгрались события 9-го января 1905 года.

Гапоновщина. 15 февраля 1904 г. был утвержден устав „Общества русских фабричных и заводских рабочих". Общество открылось с благословения администрации, на торжестве открытия были произнесены патриотические речи, а в конце собрания была послана телеграмма—„обожаемому монарху" и троекратно исполнено „Боже царя храни". — Так мирно открылось то общество, из которого впоследствии родилось и 9-е января.

Главным руководителем и душой общества стал священник Георгий Гапон.

Цели и задачи общества были формулированы в уставе следующим образом: а) о-во учреждается для трезвого и разумного препровождения чле-

нами собрания свободного от работы времени, действительной для них пользы как в духовно нравственном, так и в материальном отношениях; б) для укрепления и возбуждения в среде членов, рабочих русского национального самосознания; в) для образования и развития в нем разумных взглядов на обязанности и права рабочих и, наконец, г) для проявления „членами собрания самостоятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих". В подчеркнутых положениях ясно виден зубатовский характер общества; однако, история жестоко посмеялась над авторами зубатовщины и гапоновщины. Из „независимых" союзов родилась русская революция.

Хронология событий. Хронология событий чрезвычайно проста. Несколько рабочих Путиловского завода уволено. Требование принятия рабочих обратно; бесплодные депутации к директору и мысль об обращении к царю. После бесплодных хождений и хлопот по разным власть имущим людям, Гапон произносит свою знаменитую речь в Нарвском отделе: „Товарищи! Мы ходили к Смирнову (директор Путиловского завода) — ничего не добились, ходили в правление, ничего не добились, к градоначальнику — тоже ничего, к министрам — тоже ничего. Так пойдем, товарищи, к самому царю".

Встреча царя с народом. Движение стихийно разросталось. Сам Гапон оказался игрушкой в руках истории. Забастовки охватили весь Петербург. Предприятия присоединялись одно за другим: 6-го — Выборгский район, 7-го — Васильевский остров, 8-го — забастовка сделалась всеобщей. Почти молитвенное состояние охватило рабочих; измученные, исстрадавшиеся, они искали выхода своему гневу и ненависти. „Гапоновская риза — писал Л. Троцкий, „1905 г.“ (стр. 79) — только аксессуар. Действующее лицо — пролетариат. Он начинает со стачки, об'единяется, выдвигает политические требования, выходит на улицы, сосредотачивает на себе восторженные симпатии всего населения, приходит в столкновение с войском и открывает русскую революцию. Гапон не создал революционную энергию петербургских рабочих, он только неожиданно для самого себя открыл ее“

9-го января со всех концов Петербурга двинулись рабочие массы по направлению к дворцу, с хоругвями, с иконами, портретами царя, с пением „Спаси, господи, люди твоя“... На улицы вышло несколько сот тысяч рабочих. Но, как только массы их дошли до тех пунктов, где расположились войска, они были встречены залпами пехоты, кавалерии, бросившейся в атаку, и конными жандармами.

Расправа с толпой была зрело обдумана. Везде войска стреляли в упор, на расстоянии 30-100 шагов

9 января 1905 года в Петербурге с $13^{1}/_{2}$ до 16 ч. пополудни регулярные царские войска — пехота и конница — беспрерывно действовали горячим и холодным оружием против безоружных рабочих, женщин и детей. Всего 9-го января и в следующие три дня было ранено около 800 человек, а убито около 200 человек, т.-е. общее число жертв определяется в 1.000 человек.

Солдаты озверели. Стреляли и кололи всякого, кто попадался на дороге. В Обуховскую больницу был доставлен труп пятилетнего ребенка с штыковыми ранами. Избиваемый народ дошел до крайней степени отчаяния. Войскам и казакам кричали: „Опричники, палачи, убийцы". В ответ следовали залпы [1]).

Так встретил царь свой народ, просивший милости и правды и заявляющий „нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России, нам не жаль этой жертвы. Мы охотно принесем ее". (Из петиции к царю).

Значение 9 января 1905 г. 9 января 1905 г. было первым самостоятельным выступлением российского пролетариата. Оно вызвало отзвук не только в России, но и среди международного пролетариата. Карл Каутский, тогда еще революционный с.-д., писал: „Не для одной только России

---

1) См. отдел „Армия и народ", стр. 57.

новая историческая эпоха 22 (9) января нынешнего года, она началась для целого мира. Нам предстоят великие события. Пусть великий момент найдет достойное его поколение. Р. Люксембург: „9-е января облекло слово плотью и кровью и показало всему миру русский пролетариат в самостоятельной политической революции. Духом Маркса веяло от первой большой битвы за русскую свободу“.

Для России значение 9-го января было огромно.

После 9-го января была 1) разбита вера в царя, 2) пролетариат проснулся: послеянварские стачки вовлекли около миллиона людей, 3) крепко была связана экономика и политика, (умерла зубатовщина), 4) влияние соц.-демократ. неизменно возрастало (партия связалась с классом).

9-го января — пролог к революции 1917 года. „После 9 января 1905 года революция уже не знает остановки... Она перешла к открытой и спешной перекличке своих боевых рот, полков, баталионов и корпусов; издеваясь над рутиной жизни, разгоняя ее гипноз, она ведет нас к своему кульминационному пункту“. (Л. Троцкий — „1905 год“, стр. 85).

III. В. И. Ленин о 9-м января 1905 года.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого. Тысячи убитых и раненых — таковы итоги кровавого воскресенья 9-го января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежащих на земле рабочих. „Мы дали им хороший урок" с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий. Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать „самому царю" просьбы измученного народа — все они получили урок от военной силы,

руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной забитой жизни.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием 9-ти часового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требования восставших петербургских рабочих, — немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права — должно стать требованием всех бастующих рабочих[1]). Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: „У нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!“

Да здравствует революционный пролетариат! скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и моби-

---

[1]) Лозунг — Учредительное Собрание — был революционным в революцию 1905 года, став контр-революционным в революцию 1917 года. — Примеч. составителя.

лизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы

за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплоатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев — пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ.

I. Что происходит в России?

Бунт или революция? Таков вопрос, который ставят себе европейские журналисты и репортеры, сообщающие всему миру о петербургских событиях и пытающиеся дать их оценку. Бунтовщики или инсургенты эти десятки тысяч пролетариев, против которых победоносно выступило царское войско? И заграничные газеты, имеющие всего более возможности „со стороны“, с беспристрастием летописцев, рассматривать события, затрудняются ответить на этот вопрос. Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую. И неудивительно. Не даром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция. Кто присутствует при начале великих и грандиозных событий, кто имеет возможность лишь очень неполно, неточно, из третьих рук знать кое-что из происходящего, тот, разумеется, не решается высказаться определенно до поры, до времени. Буржуазные газеты, по старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть, однако, их общенационального, даже международного значения. А именно, это, ведь, и придает событиям характер революции. И пишущие о последних днях бунта нет-нет переходят к речам о первых днях революции. Поворотный пункт в истории России наступил. Это не отрицается самым заядлым европейским консерватором, полным восторга и умиления перед

могучей, бесконтрольной властью всероссийского самодержавия. О мире между самодержавием и народом не может быть и речи. О революции говорят не одни какие-нибудь отчаянные люди, не одни „нигилисты“, какими все еще считает Европа русских революционеров, а все и всякий, сколько-нибудь способный интересоваться мировой политикой.

Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека, становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра в другом месте, где сегодня еще „безмолвствует народ“ и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар. Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий; писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты.

В истории революции всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв,— ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями. И не даром некоторые заграничные газеты завели уже „дневник русской революции“. Заведем такой дневник и мы.

2. Первые шаги.

Искрой, которая зажгла пожар, было одно из самых обычных столкновений труда с капиталом,— стачка на одном заводе. Интересно, однако, что эта стачка двенадцати тысяч путиловских рабочих, вспыхнувшая в понедельник 3-го января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводом послужило увольнение 4-х ра-

бочих. „Когда требование о возвращении их не было удовлетворено, — пишет нам один товарищ из Петербурга от 7 января, — завод стал сразу, очень дружно. Стачка носит вполне выдержанный характер; рабочие отрядили несколько человек охранять машины и прочее имущество от какой-нибудь возможной порчи со стороны менее сознательных. Затем ими была отряжена депутация на другие заводы с сообщением своих требований и предложением примкнуть“. Тысячи, десятки тысяч рабочих стали примыкать к движению. Легальное зубатовское рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической, монархической пропагандой, оказало не малую услугу организации движения на его низших стадиях и росту вширь. Случилось то, на что давно уже указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмут верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплоатация подвинет их от мирной и насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все „теории“ и все потуги господ зубатовцев.

Стачка росла изо дня в день с головокружительной быстротой. Рабочие устраивали массу собраний и вырабатывали свою „хартию“, свои экономические и политические требования. И те и другие, несмотря на руководство зубатовцев, сводились в общем к требованиям социал-демократической партийной программы вплоть до лозунга: созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко-далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов.

3. Поп Гапон.

Что поп Гапон провокатор, за это предположение говорит, как будто, тот факт, что он участник и коновод зубатовского общества.

Далее, заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посвободнее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) хотело вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях. Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция рево-

люционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело таким образом особенно свободные руки и играло в беспроигрышную игру: пойдут де, на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок будет дан пролетариату хороший; повод для расстрела на улице всех и каждого будет великолепный; победа реакционной (или великокняжеской) партии при дворе над либералами будет полная; репрессия последует самая свирепая.

И английские и консервативные немецкие газеты прямо приписывают правительству (или Владимиру) такой план действия. Очень вероятно, что это правда. События кровавого дня 9-го января замечательно подтверждают это. Но существование такого плана нисколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть бессознательно орудием такого плана [1]). Наличие либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение получило даже

---

[1]) Примечание 1924 г. В данное время документально установлено, что Гапон был провокатором. См. отдел этой книги: „Гапон".

свое название: „новоправославное“ движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9-го января о том, что „у нас нет царя“, призыв его к борьбе за свободу и т. д., — все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо во всяком случае энергичное участие (хотя бы и зубатовцем поднятом) в стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов. Такой тактики держались и наши товарищи из Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Как бы ни были „хитры“ планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалась во много раз хитрее. Что полицейские военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло

широкое, крупное, всероссийское, революционное движение, — это факт. Революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким политическим уловкам и ухищрениям.

4. План петербургского сражения.

Странно, на первый взгляд, говорить о сражении, когда рабочие безоружные мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало защиту Петербурга и Зимнего дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе.

Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он уже начал революцию. Революция есть война. Это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы

народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия.

Все сторонние наблюдатели в один голос признают теперь, что в России эта война об'явлена и начата. Пролетариат поднимается снова еще большими массами. Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам. Рабочие будут повсюду вооружаться. Нужды нет, что полиция удесятерит строгости по надзору за складами и магазинами оружия. Никакие строгости, никакие запреты не остановят городские массы, сознавшие, что без оружия они всегда, по любому поводу могут быть доведены правительством до расстрела. Каждый по одиночке будет напрягать все усилия, чтобы раздобыть себе ружье или хоть револьвер, чтобы прятать оружие от полиции и быть готовым дать отпор кровожадным слугам царизма. Всякое начало трудно, — говорит пословица. Рабочим было очень трудно перейти к вооруженной борьбе. Правительство теперь заставило их перейти к ней. Первый, самый трудный шаг сделан.

Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. „Топоры? — говорит один. — Нет, топорами ничего не сделаешь против сабель. Топором его не достанешь, а ножом и того меньше. Нет, нужны револь-

веры, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья". Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после „Владимирова дня" в Петербурге не останутся одними разговорами.

Военный план дяди царя Владимира, распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды, в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец (при помощи икон, крестов и петиций) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охранению мостов и главных улиц, ведущих к дворцовой площади. И главными местами „военных действий" были площади у мостов (Троицкого, Сампсоньевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), наконец, Дворцовая площадь, куда все же таки, несмотря на все скопище войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали „с успехом" против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго

будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения „Владимирова урока“ в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты, сознают себя воюющей стороной и тогда... тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по „планам“ не одних только великих князей и царей. Призыв „к оружию“, раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января, не может теперь пройти бесследно.

(В. И. Ленин. Т. VI, стр. 59—73).

IV. Большевики и меньшевики в день 9-го января 1905 года.

I. Социал-демократическая организация в Петербурге накануне 9-го января.

В письме от 7-го января одного из тогдашних деятелей с.-д. большевиков в Петербурге, приводимом в № 4 „Вперед“ за 1905 год, между прочим, говорится следующее:

„Только столкнувшись лицом к лицу с стачечной, стихийно выливающейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее тот, что мы, СПБ организация, совершенно бессильны перед стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять, до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листков, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько

сотен листков, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...“

Картина, нарисованная этим письмом, ушла недалеко от действительности.

После второго с'езда в Петербурге, существовал единый с.-д. комитет. До известной степени разногласия, возникшие на с'езде, не мешали работе комитета. Но чем дальше углублялись эти разногласия, чем больше жизнь подтверждала правильность большевистской тактики, тем и на местах в особенности в Петербурге, становилось труднее работать в одной и той же организации большевикам и меньшевикам.

Эти трудности возросли до чрезвычайности, когда меньшевистский и большевистский центры должны были приложить свои теоретические положения к текущей действительности; когда же Святополк-Мирский об'явил свою „весну“, и социал-демократия должна была выявить свое отношение к начавшемуся либерально-буржуазному движению, то глубокая пропасть во взглядах меньшевиков и большевиков на роль пролетариата и буржуазии в революции обнаружилась тотчас же в их тактике.

Меньшевики выступали с планом использовать это буржуазное движение, посылая на буржуазные банкеты с.-д. ораторов, которые там выявляли бы свою точку зрения, а большевики ответили на этот оппортунистический план беспощадной крити-

кой и призывами к рабочим выходить на улицу и путем своих рабочих манифестаций и демонстраций начать действительную борьбу с самодержавием, не плетясь, таким образом, как меньшевики, в хвосте буржуазии.

(„Красная Летопись", № 1—1922 г., стр. 24—25.)

2. „9-е января".

В обстановке, когда партия была все еще распылена, все еще пребывала в подполье, а внутри нее шла сильная борьба двух оформлявшихся течений, разыгрались события 9-го января. Их основное содержание заключалось в том, что через голову оформленной партийной организации беспартийная рабочая масса вышла на улицу, заполнила площадь Зимнего дворца и показала, что меньшевики ошиблись, когда говорили, будто на арене борьбы действуют только две силы: царская монархия и дворянская оппозиция. 9-е января доказало, что есть еще одна сила, которую меньшевики, как слона, и не заметили, а именно — рабочий класс. Правда, рабочая масса еще ясно не знала, чего она хотела, она была неорганизована и не имела своих вождей, выдвигая в качестве таковых случайных людей; правда, она шла с иконами, была несознательна, и ее расстреляли, как стаю уток, — все это так, но эта масса

существовала и была могучим политическим фактором. Ее выступление 9-го января потрясло всю Россию, а это было куда ценнее всяких либеральных резолюций и петиций. 9-го января рабочий класс доказал, что он жив и что задача истинных революционеров была не в том, чтобы бегать по губернским собраниям и передним знатных земцев, не в том, чтобы говорить спокойные и никого „не пугающие“ речи, а в том, чтобы возглавить бурно разразившееся рабочее движение, которое прорвалось, как плотина, не имея на первых порах ни вождей, ни ясной политической программы. Другими словами, было туловище, к которому надо было приставить голову: надо было партии вмешаться в эту массу, взять на буксир ее великое движение и повести ее по историческому пути рабочего класса.

9-е января поставило на очередь общий вопрос о том, как должна партия руководить могучим движением рабочих, которые рвутся в бой, но, в то же время, не имеют программы, не знают чего хотят и идут к Зимнему дворцу с иконами и хоругвями. Вместе с тем, 9-е января, гулко прогремевшее на всю Россию, уничтожило веру в монархию. Это не преувеличение. Рабочие, еще вчера верившие в монархию и думавшие, что плохи только министры, увидели, что их самый страшный враг — именно монархия, именно царь.

(Зиновьев — „История РКП“, стр. 142—145.)

3. Прокламация СПБ Комитета Большевиков. № 4[1]).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем Петербургским рабочим.

Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих.

В четверг собрание путиловских рабочих постановило: призвать всех петербургских рабочих к забастовке и, собравшись вместе в воскресенье, отправиться к Зимнему дворцу и подать царю петицию. Такие же постановления сделали рабочие во всех остальных отделах собрания петербургских рабочих. В своей петиции рабочие требуют:

1. Созыва Учредительного Собрания из представителей всего русского народа, избранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Учредительное Собрание должно выработать реформы по управлению государством, именно: передачу власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых также всеобщим голосованием (парламент).

Необходимыми условиями для осуществления этого требования являются:

---

[1]) Перепечатывается с небольшими сокращениями.

2. Уравнение в гражданских правах всех сословий (крестьян, купцов, дворян и духовных, народностей и вероисповеданий).

3. Гарантия гражданской свободы: неприкосновенность личности и жилища граждан, свобода слова, печати, собраний, всевозможных обществ и рабочих союзов, свобода стачек.

4. Освобождение из тюрем и ссылки лиц, понесших наказания за так называемые политические преступления, в том числе за рабочие стачки и крестьянские беспорядки.

5. Прекращение войны по воле народа.

Российская социал-демократическая рабочая партия уже давно выставляла те же самые требования и призвала всех русских рабочих к решительной борьбе за них. И теперь Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. приветствует рабочих, понявших необходимость политической свободы. Но петербургские рабочие должны понять, что те требования, которые они выставляют, ничего другого не означают, как конец самодержавия.

Такой тяжелой ценой, как одна петиция, хотя бы поданная от имени рабочих, свободу не покупают. Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку,—только таким путем можно завоевать свободу. Много уже рабочей и крестьян-

ской крови пролито у нас на Руси за свободу, но только тогда, когда встанут все русские рабочие и пойдут штурмом на самодержавие, — только тогда загорится заря свободы. Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих, ни от попов, ни от царя вы свободы не дождетесь.

В воскресенье, перед Зимним дворцом, — если только вас туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя. И тогда вы поймете, что со стороны не принесут вам помощь, что только сами вы сможете завоевать себе свободу. Поэтому и теперь мы повторим то, что говорили в своих листках тысячи раз:

Долой самодержавие!

Долой войну!

Да здравствует вооруженное восстание народа!

Да здравствует революция!

Да здравствует великий братский союз рабочих Российской Социал-Демократической рабочей партии!

Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

8 января 1905 года.

4. № 7[1]).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем.

Товарищи! Кровь пролилась, она льется потоками. Рабочие еще раз узнали царскую ласку и милость. Они шли искать правды у царя и получили от него пули. У Нарвской заставы, у Троицкого моста, на Невском — везде десятки убитых, сотни раненых. Стреляли без предупреждения. Вы видите, что значит просить у царя. Так научитесь же надеяться только на себя. Вас сотни тысяч, но что вы сделаете голыми руками? Вооружайтесь, где только можно, чем только можно. Разбирайте, где удастся, оружейные магазины, вы имеете право брать оружие для самозащиты. Пусть товарищи с оружейных и патронных заводов помогут остальным вооружиться. Оружие во что бы то ни стало. Только силою и кровью добывается свобода и справедливость. Где можно и надо загородить путь войскам, стройте баррикады, из чего возможно: из телеграфных и фонарных столбов, экипажей, мебели, соседних домов, разбирайте для этого стены, берите все, что под рукой. Кровь польется рекою. Но, товарищи, насколько больше

[1]) Перепечатывается с небольшими сокращениями.

ее льется на холодных полях Манчжурии, а разве та кровь ваших братьев несет вам свободу и лучшее будущее? Нет, даром гибнут ваши братья. А здесь вы знаете, что боретесь не даром. Каждая пролитая капля крови вашей приближает день свободы. И не умирают ли каждый день во всех углах России сотни и тысячи ваших товарищей от лишений и порожденных голодом болезней? Не укорачивают ли на десятки лет вашу жизнь эти лишения и этот голод? Разве это не убийство, не постоянное убийство? Так лучше сразу умереть сотнями и тысячами, чем все время мучиться и понемногу умирать миллионам рабочих. Продолжайте вашу стачку, держитесь твердо. Без ваших рабочих рук угнетатели, капиталисты и правительство слишком слабы, стачка бьет их больно, она сильное оружие. И лучше поголодать сразу для борьбы, для победы, чем не доедать изо дня в день, для удовольствия и прибыли грабителей. Держитесь твердо.

В тюрьмах сидят ваши братья, которые боролись, как и вы, за свободу и справедливость. Освобождайте их, где у вас окажется сила для этого. Мы, социал-демократы, говорили вам уже раньше, что у царя и чиновников ничего нельзя взять просьбами и мольбами, что на них действует только сила, что они беспощадные враги, а не друзья ваши. Теперь вы сами это видите на деле. Так идемте же вместе. И пусть пролитая кровь

не пропадет даром. Пусть она принесет нам свободу и лучшее будущее.

Об'единяйтесь, вооружайтесь, надейтесь только на себя, товарищи рабочие.

Долой царя-убийцу!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Петербургский Комитет Р.С.Д.Р.П.

Январь, 1905 г.

5. Пора кончать[1]).

Рабочие и работницы! Вы знаете теперь правду, вы все видите ее. Ужасна эта правда, раскрытая перед вами русским царем.

Ни один день, ни один час вы не можете быть спокойны за свою жизнь, за жизнь детей ваших. Вы знаете теперь, что в один день русский царь может истребить несколько тысяч рабочих, жен их и их детей.

Зная это, можно ли жить, товарищи, так, как жили до сих пор? Можно ли жить, когда у тысяч семейств в один день отняли их кормильцев, когда на каждом шагу грозит обман, предательство, убийство?

Так нельзя жить больше. Пора кончать, товарищи. Пора кончать с этим порядком, построенным на обмане, вечно орошаемым свежей человеческой кровью.

---

[1]) Печатается в сокращенном виде.

Подымайтесь же, рабочие и работницы, как один человек.

Скажите капиталистам и правительству: мы не можем работать, когда знаем, что наших братьев режут, как скот, расстреливают, словно на войне. Пусть будет созвано Всенародное Учредительное Собрание.

Скажите крестьянам: мы за вас восстали, за ваши нужды, за ваше горе. Помогайте же нам в нашей трудной борьбе.

Обращайтесь к городским думам, к земским и ко всяким другим представителям состоятельных классов. Скажите им, что встал рабочий класс за народную свободу и что всякий честный гражданин обязан немедленно и со всей решимостью поддержать рабочий класс. Пусть они присоединятся к народному движению. Пусть, как это сделали адвокаты в Петербурге и Москве, они заявят, что до тех пор не будут отправлять своей должности, пока не будут удовлетворены требования рабочего класса. Пусть ни один желающий быть свободным не останется вдали от нашего движения.

Бросайте работу. Сбросьте на время лямку повседневного наемного рабства, чтобы собраться на улицах и площадях, как державный народ, сознавший свое право и требующий свободы. На улицы, товарищи. Овладейте улицей и пусть остановится обычная общественная жизнь с ее однообразным порядком. Превратите улицы и обще-

ственные здания, в место, где народ свободно обсуждает, что ему делать и как ему бороться; где восставшие рабочие вербуют себе новых и новых союзников. Остановив машины, которыми капиталисты тянут из рабочего класса все жилы,— останавливайте и ту громадную машину, которою правительство держит народ в вечном угнетении. Пусть не действует эта машина, которой в обычное время служат и железные дороги, и телеграфы, и телефоны, и чиновничьи канцелярии, и полицейские участки, и тюремные остроги. Сделайте так, чтобы все остановилось, чтобы у врага не было другого средства против народа, кроме одной вооруженной силы, кроме войска.

Из листка „Искры“ (меньш.). („Красная Лэтопись“ № 1 за 1922 г., стр. 189—191).

6. В эмиграции...

Расскажу только еще один эпизод, имевший место в начале 1905 года, по которому читатель сможет составить себе окончательное представление о нравах и обычаях фракционной заграничной борьбы среди социал-демократов того времени, — борьбы, которую задержать или смягчить не могла уже никакая революционная стихия.

Однажды я рано поутру отправился с корзинкой покупать мясо для столовой. Купил и возвращаюсь назад. В лавчонках появилась в продаже утренняя ранняя газетка „La Suisse“ (женев-

ская, так сказать, „Биржевка“).[1] Покупаю и разворачиваю, чтобы, идя своим путем-дорогою, пробежать ленивыми глазами очередной номерок швейцарских кумушкиных сплетен. Но... что это такое?.. У меня в глазах темнеет и ноги подкашиваются... Не сплю ли я? Не галлюцинация ли это зрения? На первом месте крупными буквами напечатано:

„La Révolution de la Russie“.

Событиям в России посвящена целая страница с телеграммами, напечатанными жирным шрифтом.

— Господи... Да что же это такое?.. Да неужели же?

И слезы радости застилают глаза. Голова кружится, словно после „залпа“ хмельного напитка. Руки и ноги дрожат. Бегу торопливо домой, находу прочитывая газетку. Речь идет о нашем знаменитом 9 января. Толпы движутся по Невскому. Бойня. Сотни и тысячи убитых.

— Да, это начинается она... — шепчут побелевшие губы. — Это... революция...

Дома жена еще валяется в постели.

— Ну, что у тебя сегодня? фоскот или ромштек...

— Ах... не до того... Наплевать на фоскот...

— Да что с тобой?.. У тебя такой странный, расстроенный вид... — встревожилась жена.

---

[1]) Бульварная газета, издававшаяся при царизме в Петербурге.

— На... вот... читай... — прерывающимся голосом произношу я, бросая ей нумерок „La Suisse“, и сам опускаюсь на стул.

Она прочла и тоже разволновалась: и всплакнула, и затанцовала на босу ногу, и прокричала „ура“.

К столовой между тем стали стекаться толпы взволнованных эмигрантов. У всех на руках „La Tribune de Génève“, которая выходит 5 раз в день и заставляет жадного на новости читателя раскошеливаться на „презренные“ су, давая надежду в следующем номере подбавить какое-нибудь новенькое, свеженькое дополнительное телеграфное сведение по интересующему его вопросу. Все ходят, словно пьяные. На лицах блаженные улыбки. Все чаще и чаще слышатся (и не только среди большевиков, но и меньшевиков) такого рода речи:

— Довольно с нас распри. Время уже поднять знамя бунта против наших вождей. Там ведь льется на улицах пролетарская кровь, а мы здесь будем заниматься подсиживанием друг друга... Будем грызться из-за всякой ерунды. Стыдно... Срамно... Пора опомниться... Да здравствует единая русская социал-демократия...

Да и мы, ближайшие товарищи Ильича, сами заразились общим настроением.

— Владимир Ильич, мы к вам за советом. Меньшевики предлагают устроить совместный митинг. Итти или не итти на это?

— Гм... боюсь данайцев, даже приносящих дары...

— Но позвольте, Ильич. На нас, на русских, смотрит сейчас вся Европа... И неужели же мы, даже в виду баррикад, не сможем протянуть друг другу руку... Ведь теперь даже и с эс-эрами можно оказаться по одну сторону поля битвы.

— Во-первых, — поспешил расхолодить наш пыл Ильич, — ваше конкретное предложение сводится к вопросу о встрече с меньшевиками здесь, в женевском зале Гандверка, а не на баррикадах Петербурга; во-вторых, до баррикад еще как будто и на улицах Петербурга дело не дошло; а в-третьих, откуда у вас, милые люди, такая уверенность, что на этот раз меньшевики вас не надуют, как надували уже десятки раз и как будут надувать, вероятно, и впредь.

— Ильич, — строго заговорил я, взяв на себя миссию „уломать" нашего „упрямца". — Момент единственный в своем роде, захватывающий... Братские руки протягиваются навстречу друг другу с обеих сторон. Козни Мартовых и Данов не смогут сыграть большой роли Огромная толпа рядовых социал-демократов требует мира. Если мы будем неуступчивы, то эта толпа пройдет мимо нас...

Владимир Ильич, наконец, сдался.

— Ну что же... производите опыт соглашения, но только, по крайней мере, поставьте свои условия. Заключите с меньшевиками письменный до-

говор, примерно такого рода: во-первых, председательствовать будет лицо, достаточно беспристрастное к большевикам; во-вторых, от каждой социал-демократической группы — от большевиков, меньшевиков, от бунда, от латышей и от польской социал-демократической партии — выступит только по одному оратору; в-третьих, в речах ораторов должна совершенно отсутствовать явная и скрытная фракционная полемика; в ч-етвертых, сбор с митинга делится между участвующими в нем социал-демократическими группами поровну; в-пятых...

Одним словом, мы получили от Ильича самую подробную инструкцию, как действовать и на каких условиях заключать „аллианс". Немножко это расхолаживало наш „об'единительный" порыв, но не беда. Начнем с дипломатических актов, а кончим, быть может, общим полным слиянием на русских баррикадах. — Добрые меньшевики пошли на все наши условия. Митинг собрал колоссальную толпу слушателей. Ильич, впервые, после длительного периода воздержания от посещения всякого рода больших митингов с выступлениями меньшевиков — на этот раз сделал исключение из общего правила и скромненько уселся с нами где-то на задних рядах.

Первым выступил Мартов. Он никогда не был особенно красноречив, а на этот раз почему-то оказался ниже даже своего обычного уровня. Тема не полемическая, а обще-революционная.

И вот ему не хватает привычных, законченных формул, привычных остроумных словечек. Вяло и скучно тянется его длительное слово, прерываемое иногда большими паузами, когда под язык оратора не подвертывается подходящего словца. Но все-таки честно выполняет условие договора и полемических выпадов против большевиков не делает. Говорил, говорил, наконец, кончил, получил от благодарной и еще того более благодушной аудитории свою долю аплодисментов и сошел с трибуны.

Вслед за ними выступает Воинов.[1] Незадолго перед началом митинга Ильич уединился с ним в отдельную комнатку и с полчасика дружески побеседовал на тему о том, с чем и как ему тов. Воинову, выступать на предстоящем митинге. Тов. Воинов тоже не вышел из рамок общереволюционной темы. Но какая великолепная, ослепительная, брызжущая яркими образами и в то же время проникнутая чувством художественной меры речь... Зал задрожал от бурных рукоплесканий, когда Воинов бросил в аудиторию свою последнюю фиоритуру. И эти аплодисменты долгое время не смолкали.

Но что это такое?.. Дан торопливо подходит к Засулич и о чем-то ей нашептывает. И вот „святая“ Засулич, олицетворение беспристрастия и нейтралитета, об‘являет:

---

[1]) А. В. Луначарский.

— Слово предоставляется тов. Дану...

— Что же это в самом деле,—спрашиваем мы тихо друг у друга с широко раскрытыми от изумления глазами.—А договор то как же? Смешной клочок бумажки, что ли?.. Вот так союзники перед баррикадными боями...

Для чего же взял слово Дан? Очень просто: чтобы восстановить нарушенное равновесие. Слишком уж ярко вырисовался большевистский оратор на фоне мартовской ораторской убогости, и Дану это, повидимому, показалось большою несправедливостью злодейки-судьбы.

И вот, как крыса, монотонно и упорно прогрызающая где-то подполье, чтобы добраться со своими зубами до мешка с фасолью, он начинает нанизывать бисер сереньких, но правильно построенных фраз с очевидным намерением прогрызть большевистский мешок с мукою и по возможности опустошить его. В его речи цинично выступает неприкрытая форма скрытой, т. е. анонимной полемики: „Вам иногда приходится слышать от некоторых ораторов“, „некоторая часть социал-демократии придерживается того неправильного мнения“... „Есть идеологи, готовые доказать“... И все намеки и намеки (даже не очень тонкие) на только что выслушанную аудиторией речь Воинова.

Ильич не выдержал, наконец, подлого состояния терпеливого и молчаливого свидетеля этого

наглого издевательства над нашей доверчивостью, встал со стула и тихо сказал нам:

— Идемте, товарищи, нам здесь делать нечего...

Мы ушли с митинга, как будто выкупанные в грязной луже. От утреннего под‘ема духа не осталось и следа. На душе было гадко, как у молодого восторженного юноши, который после минутного опьянения поэзией любви вдруг очутился лицом к лицу с мертвящей мерзостью пошлейшей житейской прозы.

(Лепешинский—стр. 211—216.)

V. Армия и народ.

1. Кто стрелял в рабочих?

„Во главе всей бойни формально стоял кн. Васильчиков. На Васильевском острове были расположены следующие части: Финляндский полк — весь; уланы — 2 эскадрона; казаки — 2 эскадрона; Беломорский полк — около роты. Командовал укрещением из 1-го Кадетского корпуса — полковник Орлов (улан, флигель-ад'ютант его величества) и генерал Смагин. На Загородном и в окрестностях первая роль принадлежала генералу Лангофу. Стреляли следующие части: у Полицейского моста — Семеновский полк (первый залп дан по приказу ген. Сиверса). У Зимнего дворца — Преображенский полк. На Васильевском острове — Финляндский полк".

(„Красная Летопись", стр. 43—44.)

2. Встреча войск и народа.

„Когда толпа подошла к Шлиссельбургскому участку, ей преградили путь войска. Напрасно рабочие умоляли пропустить их, женщины и старики плакали, становились на колени, но офицеры были неумолимы. Когда же под напором задних

рядов близко от войска стоявшие рабочие почти вплотную подошли к солдатам, был дан холостой залп и в дело была пущена конница.

Здесь уже, когда казаки стали бить народ шашками, рабочие кричали им: „умрем, товарищи! Шагу нет назад“ и, проклиная царское войско, бросали ему: „братоубийцы, опричники, креста на вас нет“.

(Тоже—стр. 45.)

3. Отдельные герои.

„Офицеры и солдаты неистовствали. В одном месте перебита кучка в несколько человек, прижавшихся к стене. Один уцелел. Он выходит вперед, расстегивает пальто, подставляет грудь и говорит демонстративно: „Вот, стреляйте“. В это время раздается выстрел, и он падает мертвым, пораженный в грудь“.

„...На баррикадах 4-й линии умирали мужественно безоружные бойцы за свободу. После первого (холостого) залпа один рабочий взобрался на баррикаду и с красным знаменем в руке сказал солдатам: „если не совестно, стреляйте“. Раздался залп, и, сраженный несколькими пулями, он пал, этот истинный народный герой“...

(То же—стр. 47—50).

4. Победители на Невском.

„На каждом перекрестке только и говорилось: „Нет у нас царя, что это за царь“. По Невскому, при виде войска, простые женщины

кричали: „От японцев побежали, а на нас свою храбрость показываете“... И все в таком же роде. Проходишь по улице и видишь кучку людей. В центре стоит чуйка и, размахивая руками, кричит: „Как царь с нами, так и мы с царем. Он хочет, чтобы мы за него умирали в Манчжурии... пускай теперь дожидается“.

(Красная Летопись, стр. 48.)

5. Ружья не стреляют...

„На четвертой линии были устроены баррикады, на которых огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. Их тоже не пускали в город, так они у себя на острове говорили о своих требованиях и пожеланиях. Видя, что количество и настроение толпы все растет, офицер велел солдатам выстроиться в ряды. Он скомандовал; толпа теснее сомкнулась и выступила вперед. Ружья засверкали в одном стройном движении; толпа замерла; раздалось: „пли“... и ни одного выстрела“...

(В. Невский.)

„По своему пути на вокзал я насчитал около 30—40 встретившихся патрулей, не говоря уже о тех пикетах, которые были расставлены по большим перекресткам и, останавливая извозчика, проверяли документы проезжающих. Мой отпускной билет, срок которого кончался 11 января, был

достаточным доказательством законности моего путешествия, и нас никто не задержал. Задержанные были, и их отправляли в ближайшие к пикетам полицейские участки.

Настроение этих солдат было не очень надежное и боевое. Помню хорошо именно это свое впечатление. Когда один из извощиков, остановленный вместе с нами, сказал:

— Эх, братцы мои, не красна ваша доля. Смертоубийцы вы...

Один из солдат пикета при общем молчании товарищей ответил:

— Ты рот-то не разевай зря, желтоглазый. Кого мы убили? Кого? Наши не стреляли вовсе. Приказано было, да не вышло“...

(Лемке — „Красная Летопись“, стр. 48—122).

6. Обыватель преображается...

„Павловцы вместе с кавалерией дали 3 залпа по рабочим в парке. Последствия были ужасны. Многие из убитых, сидевших на решетке, зацепившись брюками за гвозди от решеток, так и висели в воздухе. Другие валялись убитыми и ранеными. Перевязывать их некому было и убирать тоже невозможно, — сад закрыт. Нас стали тоже сильно теснить, и я очутился у Красного моста. Убитых увозили обыкновенно знакомые. Видел даму, по виду торговку, убитую на извозчике: ноги висели в воздухе, и по дороге потеряли один валенок,

Скоро увезли убитого студента и рабочего. Рабочего взяли на руки и несли до Мойки на руках. Публика снимала шапки и кричала: „ура“, „долой деспотизм“. От смирения тут уже ничего не осталось“...

(Стр. 52).

7. Уроки 9-го января

„Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. „Топоры?—говорит один.—Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше.—Нет нужно револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья“. Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после „Владимирова дня“ в Петербурге не останутся одними разговорами“.

(Ленин — т. VI, стр. 72.)

VI. Живая газета.

I. Ленин и 9-е января 1905 года

(тезисы доклада).

1. Революция 1905 года и ее пролог — 9 января развивались на фоне ожесточенной борьбы двух течений, тогда единой Р.С.-Д.Р.П.: большевиков и меньшевиков. Главный вопрос: оценка надвигающейся революции. Меньшевики расценивали грядущую революцию, как революцию буржуазную, отсюда: блок с буржуазией, временные соглашения с ней и недооценка роли крестьянства. В. Ленин и большевики подчеркивали буржуазно-демократический характер революции, борьбу рабочего класса в союзе с деревенской беднотой, роль пролетариата, как авангарда революционных сил.

2. Партия 9 января 1905 года была дезорганизована и внутрифракционной борьбой, и зубатовщиной, и гапоновщиной, она не имела крупных и глубоких связей в рабочем классе, стихийный рост движения обгонял соц.-дем. и в то время, когда меньшевики (в листовке „Искры“) поставили вопрос о натиске на самодержавие вместе с либералами, В. Ленин ставит вопрос о вооруженном восстании вместе с крестьянством. „Пусть

каждый сознательный рабочий помнит, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплоатируемых“ (В. Ленин).

3. В. И. Ленин и до 9 января и после 9 января призывал пролетариат верить в свои силы, в свою классовую миссию освобождения трудящихся России, но в то время, когда меньшевики болтали о революции, В. Ленин писал: „вывод из уроков 9 января: на войне надо действовать по-военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты сознают себя воюющей стороной“.

4. Великим символом является смерть В. И. Ленина в день 9 января (22 января). На заре революции пробуждал он рабочие массы к восстанию, звал их к победе и умер в этот день, в год, когда уже первая половина задач русского пролетариата осуществлена. 9 января крепко связано с Лениным и ленизмом, ибо из борьбы рабочего класса на мостовых Питера родилась первая русская революция, та революция, которая облекла в плоть и кровь учение ленинизма.

2. „От бунта к революции“ [1]).

КАРТИНА 1-я.

Экран „Белый Бунт“.

Действие толпы на авансцене, впереди площадки. Рабочие—молодые, старые в глубокой тишине, благоговейно слушают петицию, которую читает из окна отдела выборный. (Окно в стене средней площадки.)

Выборный. (Читает)... Вот что стоит перед нами, государь, и это то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников... Взгляни без гнева внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя государь... Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою... Это самая главная наша просьба. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. (Говорит). Здесь, товарищи, идет опять перечисление тех вопросов, которые мы по пунктам разбирали с вами: амнистия политических, свобода слова, печати и проч., обязательное бесплат-

---

[1]) Из пьесы М. С. Н.—„Сон и явь“—инсценировок. для клуба Я. М. Свердлова в Кремле—вых. в изд. „Новая Москва“.

ное образование, отмена косвенных налогов, 8-ми часовой рабочий день, свобода борьбы труда с капиталом и так далее... Это вы уже слышали.

Голоса. Да, да, верно... слышали... валяй дальше... Читайте, товарищ... просим продолжать... Тише... Тише...

Выборный. (Читает). Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты... Повели и поклялись исполнить их и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на наши мольбы,— мы умрем здесь на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу...

Голоса. (Шумно, перекатно). Верно... Правильно... Один конец... В могилу... Разве это жизнь... Какая это жизнь... Каторга... Собачья жизнь... Мы и так мрем, как мухи... А война? Мало народу пожрала? Конец значит... Итти некуда, это верно. Живым ложись в гроб... Верно...

Выборный. (Покрывая голоса толпы). Товарищи... Товарищи... Внимание, товарищи...

Голоса. Тише... Тише... Не галди, ребята... Слушай председателя.

Выборный. Товарищи, вы слышали петицию?

Голоса. Все... все... все...

Выборный. Все ли согласны с тем, что в ней написано?

Голоса. Все... все... все... Правльно написано... Верно... Чего еще? Написано первый сорт... За душу берет... Камень тронется, так написано...

Выборный. Посмеет ли полиция и солдаты не пустить нас к царю?

Голоса. Не посмеют... не посмеют... не посмеют... Разве мы бунтуем? Какое они имеют право? Мы с священником — с батюшкой нашим. Мы с добрым словом... как к отцу... Что ж мы плохого делаем?.. Мы, как верные подданные к своему царю... Кто может препятствовать?.. Кто же смеет препятствовать народу? Такого закона нет, чтобы не допускать к царю... не посмеют... не посмеют.

Выборный. Все пойдем к царю?

Голоса. Все... все... все... Как один человек... все.

Выборный. Итак, завтра, в воскресенье, к 9 часам собирайтесь все сюда, к отделу. Отсюда и пойдем. Во главе пойдет, в полном облачении наш батюшка, отец Гапон.

Голоса. Батюшка наш... Отец Гапон... Заступа наша... Верно... Миром православным, со крестом — со Господом...

Выборный. Товарищи, еще раз говорю: все, все, как один человек. Клянитесь не отступаться Подымайте руки.

Голоса. Клянемся. Клянемся.

Выборный. Товарищи. А что тем, кто сегодня клянется, а завтра струсит и не пойдет с нами?

Голоса. Проклятие. Проклятие. Нет отступников. Позор изменникам.

Выборный. Смотрите же, товарищи, чтобы был порядок и спокойствие. Ни у кого не должно быть никакого оружия. Если увидите у кого револьвер, или кто попытается выкинуть красный флаг — хватайте его: это враг наш. Смотрите зорко кругом и охраняйте порядок.

Голоса. Правильно... Верно... Это нам не товарищи... Боже сохрани, чтоб с оружием. Что мы, на разбой идем, что ли? Какие там флаги? С иконами, с хоругвями, а не с флагами.

Выборный. Ну с богом, товарищи. До завтра (уходит из окна).

Голоса. С богом... Со христом... До завтра. До завтра. Завтра новая жизнь начнется.

(На ступеньки вскакивает токарь).

Токарь. Товарищи, братцы. Берегитесь. Сами себе могилу роете. Что вы, дети маленькие? Петицию. Отцу родному в ножки поклонитесь. К кому идете? На что надеетесь? Мало вас колпачили?

Голоса. Вон. Долой. Изменник. Демократ. Гони его, ребята, в шею. Сволочь. Народное дело губит. Вон. Вон...

(Его стаскивают: кто-то хочет ударить. Его удерживают. Занавес на шуме и суголоке).

КАРТИНА 2-я.

Экран: „Сборы в гости к царю“.

(Площадка. Рассвет. 1-й горнщик стоит слева у стола, подпоясывает новую рубашку. Рядом жена чистит пиджак куском суконки).

Жена. (Оглядывая пиджак). Ну, кажется все до последнего пятнышка вывела.

1-й горнщик. Ладно будет. Давай. В полном параде, значит. Сенаторам не уважим.

Жена. А рубашка, Ванечка. Шик.

1-й горнщик. Чего уж там, колом стоит. Так прямо царю и скажу: вот мол ваше величество, жена для великого дня обновку мне какую соорудила.

Жена. (Смеется). Как же, станет он с тобой, сиволапым, разговаривать. Чай, почище тебя там найдутся. Ах, Ванечка. Такое у меня на душе... сказать не могу... Ровно светлый праздник...

1-й горнщик. И верно, Марфуша, — истинно светлый праздник. Такого дня не было и не будет. Это, брат, тоже понять надо: „Яко до царя всех подымем... Всех подымем... Всех, весь рабочий народ... Тут, брат, вся жизнь на повороте, вся наша судьба — детей и внуков наших.

Жена. Верно, Ванечка, верно: Господи, сотвори, не отступись (крестится). Сотвори по великой милости твоей... Не оставь рабов твоих... (К мужу). Ванечка. (Робко). Может и мне пойти?

1-й горнщик. Нельзя, нельзя. Ну, как маленького бросить... нельзя.

Жена. Господи. Кажется ни на чтоб не поглядела — пошла с народом. Такой день. Вот, ровно, меня по воздуху несет... (прижимается к мужу) Ванюша, мой, соколик мой...

1-й горнщик. Ничего женка. Авось и без тебя управимся. Посиди дома — целей будешь. Я вам с наследником от царя гостинца принесу...

Жена. (Тихо смеется, идет к люльке). Птенчик наш... Посмотри, Ваня... Спит ангельчик... губенки расквасил... (Оба смотрят, прижавшись друг к другу) Ванечка. Чует ли его ангельская душка, что сейчас сотворяется в нашей жизни? Неужто ж не будет повороту? Неужто ж и ему еще придется терпеть?

1-й горнщик. Нет, Марфушенька. Этой, брат жизни — шабаш, крышка. Тут, брат, назад ходу нет: либо так, либо этак. И не токма, что младенец наш, а и мы еще заживем с тобой так, что ой-лю-ли. Верно. И вот, что я тебе скажу Марфуша: вот как перед истинным, перед этой вот зыбкой невинной — клянусь тебе: пить — шабаш. Шалишь, брат, — чорта. Заново, так заново.

Жена. (Положив руки ему на плечи). Голубчик ты мой, Ванюшенька... (прижимается к нему, целует, смотрит в глаза). Верю, миленький, верю...

(Слышны голоса соседей).

1-й горнщик. Ну, вот и ребята...

(Входит 1-й и 2-й соседи).

1-й сосед. Не знаю, как сказать: не то здравствуйте, не то — христос воскрес.

Жена. Воистину воскрес, родненькие, воистину воскрес.

1-й сосед. (Ухмыляясь).—Ну, ладно: воскрес, так воскрес. Похоже на то... Что ж, Иван, давай брат трогаться.

1-й горнщик. (Засуетился за шапкой, пальто). А что ж — сыпем, ребята.

2-й сосед. Народу-то прет — сила.

1-й сосед. Прямо сказать — тьма несметная. И что ты скажешь: мастеровщина, ведь — публика известная. А чтоб, скажем, выражаться как — ни боже мой. Прямо, как на причастие идут.

Жена. Господи. Да разве придет кому на ум такое? Ведь это же, как на суд господень.

2-й сосед. Правильно, хозяйка. Только как он нас рассудит, господь-от? Тоже сомневаешься...

1-й горнщик. Чего сомневаться? Эх ты — маловер. Что ж мы, ко врагу идем? Мы не только себя ослобонять идем, мы его самого ослобонять идем от общего врага и засильника. Да он, может сам сердешный, ждет не дождется минуты этой. А ты сомневаешься...

2-й сосед. Так-то оно так, а только... Задумываешься... то же это все сообразить надо...

1-й сосед. Ладно, брат, соображай не соображай — мозгов не прибавится. Нам, брат, сообразить трудно. Мы — люди темные. Возьмемся за длинные волосья батюшкины и куда он пойдет — туда и мы потянемся. Он знает. Валяй, товарищи, не задумывайся. (Трогаются к дверям).

Жена. С богом. Храни вас господь (крестит их).

1-й горнщик. (Подходит к жене). Ну, хозяйка, попрощаемся. Дорога дальняя — до Царя идем. (Целует ее. Она припадает к нему).

Жена. Светик мой. Заступи тебя царица небесная (крестит его). Сохрани тебя ангел хранитель.

1-й горнщик (смущенно). Ну, ладно, ладно. У ангелов, чай, и без меня делов немало. Прощай. Наследника береги покрепче... (уходит).

(Жена выходит за ним, слышен ее голос, голос мужа, соседей — умолкают. Возвращается, взволнованная, руки у груди, губы беззвучно шепчут: „Господи, господи..." Подходит к углу, где икона, становится на колени, молится).

Жена. Господи... Владыко наш милостивый... Не оставь раб твоих... Внемли молитве моей. Смилуйся, оглянись на своих чад страждущих...

Занавес.

КАРТИНА 3-я.

Экран — Спаси Господи, люди твоя.

Площадка открывается вся. Задник — в тумане дворец. До открытия занавеса отдаленно, все усиливаясь, звучит пение толпы: „Спаси, господи, люди твоя"... Открывается занавес.. Справа налево, по авансцене и из кулис выливается людской поток. Впереди старики, дети, хоругви, иконы, царский портрет. Идут медленно, наполняя торжественными и мощными звуками всю залу. Толпа подвигается на 3/4 сцены, когда из левой кулисы выбегают два вестника. На их лицах ужас. Один из них вскакивает на траурную трибуну, машет руками, кричит:

1-й вестник. Товарищи. Братцы. Остановитесь. Христом богом заклинаю вас — остановитесь

2-й вестник (взбираясь вместе с первым). Братцы. Остановитесь. Стреляют... Стреляют... Убивают вас. Расстреливают народ. Остановитесь. Нас предали...

(Пение умолкает в передних рядах, но продолжается в хвосте толпы. Передние, умолкнув и приняв неслыханную и дикую весть, начинают кричать).

Голоса. Да что вы ошалели?.. Что вам, головы не жалко?.. Что это сумашедшие или провокаторы?.. Вон их... Гоните их... Народ взбулачить хотят... Это враги... Это подосланные... Это полиция подослала. Шпионы. Гони их, ребята. Не поддавайся на шпионские штуки.

Оба вестн. (надрываясь). Товарищи... Братцы... Совести верьте. Сюда отряд идет...

Голоса. Вон. Вон. Долой их.

(Их сбрасывают и они, продолжая кричать в толпе, тонут в ее водовороте. В это же время на тумбу вскакивает партийный).

Партийный (кричит). Товарищи. Опомнитесь, пока не поздно. Вы на убой идете. Не милости царские, а штыки и пули приготовлены для вас. Опомнитесь, товарищи!

Голоса. Вон, вон. Долой, долой. Предатели. Шпионы. Полицейские собаки...

(Толпа схватывает партийного и вовлекает его в свой водоворот. Пение продолжает звучать. Вырываются крики из кулис).

Голоса Что стали?.. Двигайтесь... Вперед. Вперед...

(Весь этот многоголосый гул покрывает сигнальная труба, сразу водворяется глубокая тишина. После паузы, почти на шопоте, в передних рядах.

Голоса. Солдаты... Офицер... Машет шашкой... Что то с оружьями делают... Что такое? Что это значит? К чему же это?.. (Ропот бежит по всей толпе и дальше в кулисы).

(После команды—тьма. Звуки ружейной трескотни и ревущий гул толпы. Во время тьмы занавес закрывается).

3. „9-е января“—сл. Басова-Верхоянцева, муз. Буглая.

Топоры кузнец кует, а сам песенки поет,
Ай люли, ай лю-ли, а сам песенки поет.
В день девятый января шли проведать
[мы царя.

(Припев).

Не гулять к нему, не пить,
Шли мы милости просить.

(Припев).

А уж он нас угостил,
Да покотом положил.

(Припев).

Белым снегом угостил,
Нашей кровью напоил.

(Припев).

С того пира тысяч пять
На погост стащили спать.

(Припев).

Ой ты батюшка наш царь,
Ты надежа государь,
Не забудем мы во век,
Сколь ты добрый человек.

(Припев).

4. „Марш коммунаров“—сл. Вл. Кириллова

1. Дружно вперед, коммунары,
Час долгожданный настал,
Сброшены цепи насилья,
Свергнут тиран капитал.
    Красное знамя советов
    Реет над нашей страной,
    Мы за всемирное братство
    Меч обнажили святой.

2. Солнце республики красной
Страшно народным врагам.
Двинулись черные рати
К нашим родным рубежам.
    Честных борцов убивают,
    Все разрушают и жгут,
    Тяжкие цепи неволи
    Нашим собратьям несут.

3. Но не сломить капиталу
Силы народных дружин.
На палачей и вампиров
Ринемся все, как один.
    Слиты в едином порыве
    Брат, и сестра, и отец,
    В битве за счастье и волю
    Красный не дрогнет боец.

4. Громы рабочих восстаний
Грозно над миром гремят
И зарубежные братья
К нам на подмогу спешат.

Там, за грозою ненастья,
Солнце коммуны встает.
В царстве всемирного братства
Память о нас не умрет.

рипев (после каждого куплета):

Вперед, коммунары, вперед.
Нас красное знамя ведет—
Кровью борцов, братьев, отцов,
К оружию, к мести зовет—вперед.

5. „Мы идем“—Гастева.

Инсценировка.

(Хоровая декламация).

При поднятии занавеса в отсвете пожаров группа восставших, попав под обстрел, мучительно гибнет.

Голоса. Мы падали. Нас поражали. Но в муках отчаянных все ж мы кричали: — Мы явимся снова. Придем.

Чтец у рампы. Серые дни поползли по земле. Попрятались красные зори (зарева гаснут). Забыты надежды. Был выжжен сомненьем порыв (в стороне от павших показывается бездомный скиталец). То яростно бился, то черной тоской залегал по долинам ветер — бездомный скиталец. Таился и ждал излучений.

(Скиталец—девушка в черном начинает под музыку кружиться в нервном, порывистом танце).

Но все же, собирая последние силы, он вихрем взвивался в заснувшие выси, тучи ленивые вмиг разрывал и показывал солнце (даль на мгновенье свет-

леет). Падал стремглав он опять с вышины, буйно туманы в низинах кружил и свистом пронзительным даль прорезал.

Голоса. Мы явимся снова. Придем.

Чтец у рампы. Кутали землю, как трауром черным, душили тяжелые ночи (скиталец исчезает). Кружилися злые и жадные тени. Вздох проносился предсмертный, глубокий. Глаза потухали. Но блеском последним все ж тьму пронизали.

Голоса. Мы явимся снова. Придем.

2-й чтец. А на том берегу пировали (виден остров, дворцы, на миг осветившиеся многоцветными огнями). Там танцы, безумно веселые танцы. На чьих то могилах воздвигнуты новые замки. Музыка в диком угаре оттуда неслась.

Голоса за сценой. Он умер. Он умер. Не встанет. Ха-ха-ха-ха-ха-ха...

2-й чтец. Пьяный разгул увлекал... Увлекал до бессилья. Пир истомил их. Устали они. Мирно, покойно, дремали. Совсем безмятежное, тихое утро.

Голос у рампы. Вдруг с наших, казалось, умерших постов началась перекличка (среди павших начинается пробуждение. Слышен глухой гул голосов, заглушаемый барабаном). Барабанили зорю. Музыка замков дала перебой.

Голоса за сценой (в отчаянии). Нет... нет.. нет... Он умер. Он умер. Не встанет?.. Нет... нет... нет...

Голос у рампы. Дала перебой и затихла. Совсем замерла ожиданьем. А с нашего берега звонко неслось.

Голоса на сцене. Мы снова, мы снова идем. Мы прямо с работы, мы с душных заводов, чумазые, с шахт и из темных подвалов. И прямо на светлый наш пир.

(Павшие встают, в их ряды вливаются новые борцы за освобождение).

Голос у рампы. Светало. На замках тревожно играли и бились ночные огни. А по небу шла, расходилась, как вольная песнь, заря, то тихо верха облаков зажигала надеждой, то дерзким пожаром рвалась, огнем обнимала холодное небо.

Голоса на сцене. Идем мы и дышим мятежной отвагой. Рвутся, летят и поют переливы восторженных слов. Мы идем. Нам нельзя не итти: встали мрачные тени недавних разбитых бойцов. Поднялися живые предания былого — сраженные раной отцы. Мы за ними.

(Восход солнца).

Голос у рампы. Совсем впереди, и сильней, и отважней, чем мы, зашагали пришедшие в жизнь молодые борцы. А вот наши подруги-друзья по станку (показывается группа женщин). В руках они счастье свое дорогое, детей, принесли. Смотрите, ребенок вон тот делает радостный взгляд... Вольные всплески ручонок, к новому миру он рвется.

Голоса. Мы пойдем, побежим, понесемся громадой своей трудовой. Нас ничто не страшит. По пустыням, по дебрям пути мы проложим. По

дороге — река... Так мы вплавь. По саженям отмахивать будем и гребнистые волны разрежем. Попадутся леса... мы прорвемся в лес своим бешеным маршем, встретятся горы... до вздохов последних, до самых отчаянных рисков к вершинам пойдем. Мы возьмем их. Мы знаем, — заколет в груди. Но великое с болью дается. Для великого раны не страшны. До вершины доберемся, возьмем их. Но выше еще, еще выше. В победном угаре с самых высоких утесов, мы с самых предательских скал ринемся в самые дальние выси. Крыльев нет? Они будут. Родятся... Во взрыве горячих желаний. О, идемте, идем. Уже — в прошлом осенняя, дикая, пьяная ночь. Впереди — залетая сказкой, вся в музыке тонет, все бьется, как юное счастье — свобода. Идем...

(Под революционный марш, с внезапно появившимися красными знаменами, толпа спускается со сцены в зрительный зал и точно празднуя победу проходят ряды. На сцене появляются два юных часовых и девушка, которая шлет идущим приветствия. На фоне потемневших дворцов видны огненные лозунги коммунистической молодежи.

Занавес.

(„В тисках капитала“ — стр. 78).

6. „Павшим 9 января“ — А. Маширов-Самобытник.

Память погибших героев священна...
В мирной ли жизни, в грозный ли год,
Всюду над нами звенит и поет

Клич их орлиный, зовет неизменный:
„Смело по нашим могилам вперед“.
В битве за счастье, в борьбе переменной,
Может, из нас не один упадет...
Будем же биться, чтоб в должный черед
Бросить отставшим наш клич неизменный:
„Смело по нашим могилам вперед“.

7. **Октябрь**[1]).

Действующие лица:

Комиссар ревкома.
1-й мальчишка подросток.
2-й мальчишка подросток.
3-й мальчишка подросток.
Женщина в наколке.
Старуха.
Матросы, красногвардейцы, военные курьеры.

Штаб революционной группы близь Ленинграда. Комиссар — у стола полевой телефон. Здесь же мальчишки. Рваные, поджарые. Красногвардейцы заняты переноской оружия — винтовки, ящики с патронами, пулеметные ленты; пронося через сцены, складывают в соседние комнаты. Занавес поднимается на возглас комиссара: „тише, черти, заткните ваши морские глотки“.

Группа матросов (на уходе). Боженят и всех святых, чтоб он грома не боялся... Керенского, чтоб ему... (следует морское ругательство).

(Уходят с шумом).

---

[1]) Из пьесы В. Каринского — „Недорисованный портрет“— стр. 29.

Комиссар (к подросткам). Ничего не понимаю, какой отряд?

1-й мальчишка. Я говорю, товарищ, что мы отстали от нашего отряда. Вы должны нас послать.

Комиссар. Ну куда я вас к чорту пошлю? Ведь вам винтовки не поднять.

2-й мальчишка (запальчиво). Товарищ...

Комиссар. Ничего не могу сделать, товарищ, обратитесь к товарищу Сергееву.

1-й и 2-й мальчишка (в один голос). Товарищ, вы не имеете права... что мы росту маленького.

(Входит курьер из Смольного).

Комиссар (курьеру). Вы что, товарищ?

Курьер. Я из Смольного. Мне товарища Троцкого.

Комиссар. Только что выехал на передовую линию. Часа через два будет.

Курьер. Мне необходимо.

Комиссар. Сейчас, товарищ (к красногвардейцу). Эй, товарищ, Макаренко, скоро вы тронитесь?

Красногвардеец. Сейчас уходим.

Комиссар. Проводите, вот, товарища (к курьеру). Вот, товарищ, сговаривайтесь.

1-й мальчишка (комиссару). Товарищ, разрешите...

2-й мальчишка. Вы должны сочувствовать.

Комиссар. Вы еще здесь (умоляюще). Ну, товарищи, ну что я могу поделать. Обратитесь к товарищу Сергееву.

(За сценой крики: — „Стой не убежишь; провокатор — Ребята, шпиона Керенского поймал“).

Красногвардейцы (на сцене). Что? Где? Давай его сюда. Где шпион?

Комиссар. Тише, товарищи, в чем дело?

(Группа солдат вводит парикмахера в халате и недобритого интеллигента с салфеткой).

1-й солдат. Вот он, на месте схватил, чуть не убег.

2-й солдат. Попался, сволочь.

3-й солдат. Провокатор чортов.

Комиссар. Да тише, товарищи, в чем дело? Говори хоть кто-нибудь один. Который шпион?

1-й солдат (указывая на интеллигента). Вот этот. Мы его в парикмахерской схватили.

2-й солдат. Мы проходили мимо — мальчонка выбежал и рассказал. Сидит, говорит, вот этот самый, бреется и все за Керенского, ну мы вошли и впрямь сидит. Захарчук тут сразу догадался... Ну мы его окружили и давай сюда.

Интеллигент. Вот... позвольте. Это чорт знает что такое. Я буду жаловаться. Помилуйте, еле-еле нашел парикмахерскую, все закрыты... Нет, помилуйте, вы войдите в положение... Вы, кажется интеллигентный человек — порядочному человеку нелязя побриться — в какой это стране видано (указывая на парикмахера). Вот он только что начал, как эти разбойники ворвались и без об'яснения привели сюда. Чорт знает, что за безобразие, ни в одной стране...

Комиссар (строго). Кто вы такой?

Интеллигент. Я Соскин... Меня здесь все знают... Я служу в банке. Я здесь на даче. Вы сами посудите...

Комиссар. Что вы говорили в парикмахерской?

Интеллигент. Ничего особенного... Я сказал, что авантюра Смольного ни к чему не приведет. И, наконец, свобода слова, вы согласитесь сами, что это действительно провокационная попытка... сорвать учредительное собрание...

Комиссар (парикмахеру). Вы знаете этого гражданина?

Парикмахер. Как же-с, очень прекрасно, постоянный клиент-с.

Комиссар. Что этот гражданин говорил?

Парикмахер (разглядывая обстановку). Что прикажите-с?

Комиссар. Что говорил этот гражданин?

Парикмахер. Они выражались в том смысле, что вообще беспорядок большой-с. И что вообще в дачной местности устраивать сражения существительно неудобно-с.

Комиссар. А ну вас к чорту. Товарищ, отпустите этих дураков, пусть бреются.

Интеллигент (уходя). Нет, обязательно приеду в Ленинград, буду жаловаться. Это чорт знает...

Парикмахер. Не порядок-с

(Уходят, солдаты за ними. Вваливаются четыре казака)

1-й казак. Кто здесь начальник?

Комиссар. В чем дело, товарищ?

1-й казак. Мы от третьей особой сотни.

Комиссар. В чем дело?

1-й казак (торжественно). Мы пришли заявить, что не согласны итти против рабочих и поддерживать Керенского. Мы за революцию. Наша сотня в вашем распоряжении.

Комиссар (протягивая руку). От имени рабочих приветствую вас (к вошедшему матросу). Вот, здесь, товарищ Никитин, представители казаков, они отказываются итти за Керенского.

Матрос. Добре, товарищи. Правильно. Наша берет.

1-й казак. Сотня бросится в дело.

Комиссар (указывая на матроса). Вот с товарищем столкуетесь.

Матрос (казакам). Идем, товарищи, покалякаем (комиссару). Да, как у вас с телефоном? Смольный можно?

Комиссар. С перебоями. Сейчас, кажется, наладился.

Матрос. Ну ладно, я приду.

(Уходят. Входит красногвардеец с винтовкой.

Комиссар. Откуда, товарищ?

Красногвардеец. С фронта.

Комиссар (живо) Ну что, как?

Красногвардеец. Нажимают. Необходима поддержка.

Комиссар. Сейчас, товарищ, направили два сборных отряда (к одному из находящихся в комнате красногвардейцев). Товарищ Биркис, как броневик?

Биркис. Сейчас пустим.

Красногвардеец (качается).

Комиссар. Что с вами, товарищ?

Красногвардеец. Я... мне... не много (падает, его окружают).

Комиссар. Да он ранен.

Красногвардейцы. Осторожно, товарищи. Бери за ноги. Да куда тянешь? Тише. Под голову бери (несут). Легонько. Эй, кто там? Фельдшера!

(Раненого кладут на скамью у стены. Он вытирает ладони о край шинели).

Как дошел, то? В двух местах, никак навылет?

(все хлопочут около раненого. Входит пожилая женщина в наколке. Быстро семенит. Растерянно).

Женщина в наколке. Боже, что здесь такое? Но, все равно. Мой сын... мой сын... (истерически). Что вы сделали с моим сыном?

Комиссар. Успокойтесь, гражданка, кто ваш сын?

Женщина в наколке. Он там, с Керенским... Он защищает революцию... Я ничего о нем не знаю. Вот уже три дня. Скажите мне... где он?.. Что с ним сделали?... Я мать.. вы понимаете мать.

Комиссар (слегка оторопев). Ну да, я понимаю — вы мать. Но, видите ли, мы вам ничего не можем сообщить. Ваш сын не с нами. Он контрреволюционер.

Женщина в наколке. Ах, мне все равно. Я ничего не знаю. Может быть, что-нибудь можно узнать... Ну, ради христа... помогите мне.

Комиссар. Право, гражданка, я с удовольствием бы. Но я решительно ничего не могу сказать.

Женщина в наколке Ну, успокойте меня... Ну, скажите, прямо скажите — он убит?... Да?...

Комиссар. Я не знаю.

Женщина в наколке. (истерическое движение). Боже?

Комиссар. Да нет, что вы. Успокойтесь. Ничего подобного. Наверно жив. И потом борьба кончится не сегодня — завтра, и он преспокойно к вам вернется.

Женщина в наколке. (радостно). Так, значит, он жив? Ну спасибо, спасибо вам. Вы меня так успокоили. Ведь я мать... Спасибо (легкая пауза, умоляюще). А мне нельзя с ним повидаться? Ну хотя только взглянуть. Одну минутку?

Комиссар. Этого никак нельзя. Он сейчас, вероятно, очень занят. Вот что, идите гражданка домой, успокойтесь. Я надеюсь, что все уладится.

Женщина в наколке Ну, спасибо вам, спасибо. Вы знаете я так измучилась, не сплю... Ну так, значит, все уладится... Ну спасибо вам. Я уж и за вас помолюсь (уходит).

1-й красногвардеец (вслед). Ишь ты — жалеет...

2-й красногвардеец. Известное дело (входит красногвардеец).

Вошедший красногвардеец (комиссару). Товарищ Михайлов, броневик пошел.

Комиссар. Вот и хорошо. Пулемет поставили?

Красногвардеец. Приладили. Лент маловато. Ну там достанут.

(Вкатывается старушка с маленьким узелком).

Старушка. Батюшки, отцы родные, да кто у вас здесь Ленин-то?

Комиссар. Что, бабушка, скажешь? Зачем тебе Ленин?

Старушка. Да как же это можно. Да где же это видано. Крышу прострелили пушкой. Как уж жива-то — не знаю. Да уж бог с ними — за гуся-то кто заплатит?

Комиссар. Какого гуся?

Старушка. Да как же гуся, говорит, режь... Ну, я дура и послушала. Вижу: начальники. Прапоры эти окоянные... Одеты чисто. Я-то дура и зарезала его голубчика (плачет). Один он у меня, а ночью всколыхнулась... Гляжу, они уж на лошадь лезут. За гуся-то, говорю, с кого, а они зубы скалят. Один, видно, хороший человек, дай бог ему здоровья (крестится) завтра, говорит, другие здесь будут, иди к Ленину — он заплатит (вертит головой). Где он? Ленин-то у вас? (подозрительно на комиссара). Уж не ты ли, батюшка? (кланяется в пояс). Уж не обидь меня сироту. Четыре рублика всего. Мне ведь они на помин души.

Комиссар (смеется). Вот сволочи (к старушке) Выходит обманули тебя, бабушка, это тебе с Керенского надо получить. Его шайка. Но с него теперь взятки гладки.

Старушка (причитает). Кормилец, ведь как же быть-то теперь? Ведь гусь-то, он один у меня и был, сиротинушка. Пропала моя головушка. Как же теперь быть-то мне? Одна я осталась на всем божьем свете.

Комиссар. Уж не знаю, старая, как нам с тобой и быть (ищет по карманам). У меня-то (считает) всего рубль 20 коп. (к красногвардейцам). Ребята, у кого деньги есть? Вот Керенский у бабки гуся сожрал. Надо уж за него заплатить.

(Все смеются).

1-й красногвардеец. Целого гуся?

2-й красногвардеец. Вот удружил то.

3-й красногвардеец. Как же ты ему поверила?

Старушка. Да уж и сама не знаю, право. Обвел он меня вокруг пальца (все дают ей деньги — у кого что есть. Она кланяется).

Комиссар (у телефона). Что, действует? Питер? как? А? Смольный? Пока без перемен... Что? На передовой... Задержка маленькая вышла... Корбюратор, кажется... Отправили? Хорошо (кладет трубку).

Старушка (считает). Миленькие мои... да тут всего два целковеньких, да марки. Не поймешь их тут (начинает причитать). На кого ты меня покинул-то.

1-й красногвардеец. Нет, бабушка, все отдали.

2-й красногвардеец. Ей-богу, нет.

3-й красногвардеец. Подожди вот приведут Керенского, заплатит.

Старушка. Ладно уж. Вам, то поверю. Посижу уж (чинно садится, входит матрос Никитин).

Матрос. Ну и сотня — красота. Прямо в бой. Офицерам погоны срезали. Хочешь, говорят, с нами, а не хочешь проваливай.

Комиссар. Ну?

Матрос. Один остался. Остальные побрели кто куда.

(Доносится стрельба).

Матрос. Наши зажаривают. Что-то будет. Мои черти все туда сбежали. Не удержишь. Мало-мало бока не намяли. Никакой, дьяволы, дисциплины (подходит к телефону) Ну как телефон?

Комиссар. Сейчас Смольный звонил.

Матрос. Ну-ка дайка (берет трубку).

(Входят два подростка, с ними еще третий).

3-й мальчишка (к комиссару, решительно). Товарищ, мы требуем, чтоб нас отправили. Мы не маленькие.

Комиссар. Ну вот опять. Ну не могу же я, товарищ, устроить избиение младенцев.

3-й малчишка (гордо). Товарищ, вы не имеете права.

Матрос (у телефона). Чорт, опять не действует.

Комиссар (к матросу). Да ведь недавно только от юнкеров отбили. Барышнешки все разбежались. Наши там управляются.

Матрос. В Москве тоже ничего.

Комиссар. Дело идет. Здесь бы наладить.

Матрос (прислушиваясь). Что-то стрельбы не слышно.

(Входит красногвардеец).

Красногвардеец (к матросу). Товарищ Никитин, там из Питера отряд наших.

Матрос. Сей минут (быстро уходит).

1-й мальчишка (комиссару настойчиво). Ну как же, товарищ?

Комиссар. Я же вам говорил к Сергееву.

2-й мальчишка. Он говорит, чтобы вы записку дали.

Комиссар (не соглашаясь). Ну, ребята... (подумав). Ну ладно валите, бумаги только нет.

3-й мальчишка (радостно). Вот у меня есть.

Комиссар (берет). А, приказ Керенского. Здорово, на нем и напишем.

(Красногвардейцы проносят ящик с патронами).

1-й красногвардеец. Куда тащишь, складывай здесь.

2-й красногвардеец (опуская ящик). Ну, упарился. Отдохну малость и в линию пойду. Ну вас здесь совсем. Никакого интереса.

3 красногвардеец. Ладно, везде надо. Покурим (отходя, закуривают).

2 красногвардеец. А нашему Керенскому. Не удержаться ему. Что-то стрельбы не слышно.

4 красногвардеец. Кто его знает. Либо мы его, либо он нас.

1 красногвардеец. Да уж тут выбирать не приходится (с иронией). До победного конца.

2 красногвардеец (смеясь). По его же, значит, резолюции.

1 красногвардеец. По Ленинскому приказу.

3 красногвардеец (прислушиваясь). Должно наши одолевают.

Старушка. Ну, кормильцы, скоро Керенского сюды приведут. Печку мне затоплять?

2 красногвардеец. Потерпи маленько, скоро будет.

Старушка. То-то. А то не истоплено то — худо.

3 красногвардеец (с беспокойством). А что стрельбы совсем не слышно?

4 красногвардеец. Что-то не так... Нежели... (Вбегает матрос с винтовкой).

Матрос. Товарищи, победа. Неприятель разбит, казаки сдают оружие. Керенский убежал.

Красногвардейцы: Ну? Вот. Братцы, да как же это? Победили. Как же Керенского-то упустили? Далеко не убежит. Да, ищи его теперь. Ну да, теперь наплевать. Наша взяла.

Старушка (суетливо). Это про кого вы? Что обежал-то?

2 красногвардеец (радостно). Керенский, бабка, сбежал.

3 красногвардеец. Конец буржуям теперь. Наша взяла. Наш Питер.

Старушка (мечется). Ах, он окоянный, да как же теперь-то? Да куды сбежал-то? Толком скажи... За гуся-то с кого?

Комиссар (у телефона). Чорт, не действует. Что они там, черти, делают... Что? А? Да что вы там? Не привыкли? Привыкать надо... Да, да. Смольный? Скорее... Что? А? (присутствующим в комнате). Тише, товарищи, не слышно. Революционный Комитет. Что? Как? Кто? Кто? Тише, товарищи. У телефона товарищ Ленин. (Мгновенная тишина. Пауза).

(Занавес).

---

8. „Коммунистическая клятва".

Заповеди Ленина.

1. Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним твою заповедь.

2. Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь.

3. Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариа-

та. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь.

4. Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь.

5. Уходя от нас, тов. Ленин, завещал нам укреплять и расширять союз республик. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь.

6. Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам укреплять и улучшать состояние Красной армии. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим сил своих, чтобы выполнить эту твою заповедь.

7. Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам верность—принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал.

Коммунистическая клятва читается каждой „Заповеди“ четко и вдохновенно первое предложение. Клятва повторяется всем залом размеренно и торжественно, как слова присяги („Торжественного обещания“) молодого красноармейца.

VII. Гапон.

1. „Перед 9-м января".

„С раннего утра и до поздней ночи в этих отделах толпились рабочие, мужчины и женщины, старики и дети. Массы народа не помещались в зданиях, тысячные толпы стояли на улицах. Внутри помещений руководители собраний читали петицию, раз'ясняли ее рабочим. Когда одна толпа, наполнявшая зал, выслушивала петицию и об'яснения, какие давались ораторами, и выходила, ее сменяла другая, чтобы затем уйти, дав место третьей и так иногда в течение круглых суток. Рабочие слушали, хором выражали свое согласие с теми требованиями, какие читались ораторами, вносили поправки и дополнения, и с каждым часом их настроение становилось все сознательнее, левее и решительнее.

Массы рабочих были настолько велики, что иногда приходилось ораторам говорить прямо из открытых окон в ночной темноте; иногда, как это было в отделе на Петербургской стороне, в здание по лестнице все время шла одна толпа, а из здания ей навстречу другая.

В эти дни Гапон пользовался невиданным колоссальным авторитетом среди серой массы петербургских рабочих.

Его слушали, как пророка, по одному его слову готовы были умереть сотни тысяч людей, священническая ряса и крест были тем магнитом, за которым тянулись эти сотни тысяч измученных людей.

Гапон с утра и до вечера в эти дни переезжал из района в район и всюду говорил.

Его страстные, горячие речи наэлектризовывали толпу, и она в каком то благоговейном экстазе повторяла за ним: „К царю“.

Приведем несколько отрывков из писем участников и из статьи Л. Гуревич, чтобы словами самих очевидцев и кипевших в море движения нарисовать картину жизни районов.

„Гапон лично об'ехал все отделы. Он говорил с возрастающим возбуждением и страстью,—все более и более поднимая настроение толпы. Он надорвал себе голос, еле держался на ногах, но продолжал ездить и говорить до последнего часа—до позднего вечера 8 января. Повидимому, речи его не всзде были одинаковы по тону—быть может, в зависимости от степени подготовки толпы. В некоторых отделах он говорил спокойно, сообщая толпе уверенность в успехе. В других он уже забрасывал слова о возможности неуспеха, о предстоящих опасностях, о том, что царь может отказаться принять и выслушать народ свой. Эти речи он кончает словами: „и тогда у нас нет царя“. „И тогда у нас нет царя“, как эхо откликалась толпа. „Все умрем: клянемся

стоять все до одного. Батюшка благославляем тебя на подвиг, веди нас“. Все были в восторженном состоянии, рассказывают свидетели. „Многие плакали, топали ногами, стучали стульями, колотили кулаками в стены и, поднимая руки вверх, клялись стоять до конца“.

Речи Гапона и других ораторов о бесправном положении рабочих, об их страданиях производили на толпу потрясающее впечатление, многие плакали, и все с отчаянием в ночной темноте во время одной из речей Гапона повторяли: „Помрем на площади“.

„Вечером при свете уходящих вдаль тускло мерцающих фонарей, виднелось у помещения отделов море человеческих голов. На улице, в отдельных группах, слышались разговоры о войне, о тягостных ее последствиях для народа, о всеобщей забастовке. Иногда какой-нибудь вопрос, связанный с петицией и обсуждавшийся в зале отдела, выносился на улицу. Ораторы взбирались на какую-нибудь импровизированную трибуну, в роде опрокинутой бочки, и говорили к толпе. В некоторых отделах петиция читалась народу из открытого окна собрания, и народ слушал ее благоговейно, „как в церкви“. Многие, несмотря на мороз, стояли без шапок. Недостаточно понятые места петиции вновь и вновь толковались, каждый отдельный пункт ее вновь и вновь ставился на баллотировку. Толпа выражала свое сочувствие криками и далеко уносящимся

гулом голосов. Иногда она повторяла, в знак сочувствия, последние слова оратора, подхватывала их, как хор подхватывает запевалу...

„Все недоразумения между фабрикантами и рабочими должны решать представители от фабрикантов и рабочих поровну", — говорит оратор, — и толпа откликается: „поровну, поровну". „Чем так жить, не лучше ли нам сойти в могилу?" заканчивает свою речь оратор, и толпа отвечает ему: „Лучше в могилу, в могилу"... „Когда чтение петиции было закончено, — пишет один очевидец с Васильевского острова, — председатель задал рабочим вопрос: „А что, товарищ, если государь нас не примет и не захочет прочесть нашей петиции, — чем мы ответим на это"?

Тогда, точно из одной груди, вырвался могучий потрясающий крик: „Нет тогда у нас царя"... И как эхо повторилось со всех концов: „Нет царя... Нет царя"... И в тот момент послышались возгласы: „Долой самодержавие". Толпа не поддержала их".

(„Красная Летопись", стр. 30—32).

2. „Агитсуд над Гапоном".

Суды в клубе.

Значение судов. Инсценировка судов — это одна из наиболее ценных и удачных форм массовой агитпропработы. Польза от постановки суда одинаково велика как для клубистов, участвую-

щих в его инсценировании, так и для массы зрителей.

Первым она дает ряд ценных в общественной жизни навыков и знаний, а именно:

1. Приучает выступать перед массой, развивает организаторские способности, умение связать слово с жестом и движением.

2. Развивает самодеятельность и изобретательность.

3. Разработка сценария, речей, постановочной части и пр. требует ознакомления с различными источниками и, расширяя знания клубистов, вместе с тем приучает к самостоятельной обработке литературного материала и умелому его использованию.

Специфическое значение судов, как средства массовой агитпропаганды, определяется тем, что они:

1. Воздействуя одновременно на интеллектуальную и эмоциональную сферу зрителя, облегчают достижение желаемого эффекта.

2. Пользуясь с внешней стороны приемами и средствами театральной работы, углубляют и интенсифицируют впечатление, производимое на зрителя.

3. Будучи построены на определенном действии, обеспечивают напряженный интерес аудитории.

4. Опираясь на фактический материал, выполняют не только воспитательную, но и просветительную функцию.

Вот главные достоинства судов. Внимательное к ним отношение и пользование ими, как средством массовой агитпропработы, должно поэтому быть рекомендовано, как в интересах активных клубистов, так и в интересах всех постоянных и случайных посетителей клуба.

Подготовка суда. В интересах успешности подготовки и проведения суда особенно необходимо об'единение вокруг этой работы двух или нескольких кружков в тех случаях, когда суд должен быть целиком написан самими клубистами. Такие суды естественно являются наиболее ценными с точки зрения развития и воспитания членов кружка и привития им определенных навыков общественного значения.

В процессе всей разработки суда руководители кружков, не стесняя изобретательности, творческой инициативы и самодеятельности кружковцев, должны лишь помогать им в работе, но ни в коей степени не навязывать своего мнения. Подыскание и рекомендация наиболее подходящих источников, по которым кружковцы должны разработать сценарий, речи, внешнюю обстановку и пр., — вот первейшая задача руководителя кружков.

Успех суда в первую очередь зависит от того, насколько правильно была учтена физиономия предполагаемого зрителя и насколько авторы суда сумели к ней приспособиться. Это должны твердо помнить кружковцы и их руководители.

Методизм. При разработке любого суда необходимо иметь в виду, что, кроме своей непосредственной задачи, определяемой его темой, он преследует одновременно и более широкую цель: он должен внушить зрителю убеждение в необходимости работы над своим самовоспитанием и самообразованием. Суд сам по себе, понятно, не может ответить зрителю на все недоуменные вопросы. Часть из них останется неразрешенной, но интерес пробужден, дан ряд толчков, возникли новые запросы, настойчиво требующие себе удовлетворения.

Схематизация судебной процедуры. Рядовой зритель хочет получить полную иллюзию „настоящего" суда. Он недоволен, если судебная процедура не воспроизведена полностью и обстановка суда не скопирована с достаточной точностью. Такой суд для него мало авторитетен, а стало быть, не убедителен.

Конечно, в деле копирования настоящего судопроизводства нужно знать меру. Нельзя жертвовать живостью и интересностью действия ради того, чтобы до мелочи сохранить все формальности, необходимые в подлинном суде.

Однако, схематизируя судебную процедуру, ее все же следует сохранить в общих чертах, иначе иллюзия судебного разбирательства не получится у зрителей и они не смогут серьезно отнестись и увлечься им.

Методы оживления судебного действия и усиления эффекта.

Вместе с тем нельзя забывать, что в каждом суде имеются отдельные моменты, требующие от зрителя некоторого напряжения его произвольного внимания. Таковыми, например, являются чтение обвинительного акта, речи, длинные показания свидетелей и т. п. Нужно строго следить за тем, чтобы такие места чередовались сценками, способными внести оживление в массу зрителей и вновь укрепить их интерес и заострить их внимание.

Для оживления суда необходимо также применение театральных трюков, конечно, в пределах разумного, дабы не превращать судебного разбирательства в шарж. Нужно, однако, твердо памятовать, что однообразие суда неминуемо порождает скуку. Поэтому комический элемент, неожиданные происшествия, удачный костюм и грим должны здесь сыграть свою роль.

Целью оживления суда и углубление его просветительного воздействия служит демонстрирование в антрактах соответствующих характеру суда диапозитивов [1]).

Итак, для того, чтобы произвести длительное впечатление на зрителя, необходимо обратить особое внимание на постоянную смену впечатлений, не допускающую ослабления интереса зрительного зала.

---

[1]) В изд. Госкино и „Красной Нови“ имеется ряд диапозитивов, посвященных „9 янв. 1905 года“.

Участие зрителя. Однако, этого еще мало. При подготовке суда его устроители с самого начала должны задаться целью — невольно втянуть всю массу зрителей в действие. Это может быть достигнуто особенно сильным драматическим развертыванием действия, использованием театральных эффектов, а также присутствие в зрительном зале отдельных участников суда, получивших задание „играть публику". Такое превращение суда в „массовое действо" значительно повысит его успех.

Наконец, для оживления действия рекомендуется также выход некоторых свидетелей из публики или уход в зрительный зал.

Конкретность. При инсценировке суда необходимо строго следить за тем, чтобы отдельные речи не сводились к пустой фразеологии, а опирались на фактический материал исторического, статистического или иного характера, смотря по содержанию суда. Умеренное пользование цифрами, особо яркими и показательными, также должно быть рекомендовано. Очень важно демонстрирование вещественных доказательств, которые здесь играют роль наглядных пособий.

Осторожность в подборе исполнителей. Для успеха суда имеет большое значение удачный подбор лиц на отдельные роли. Предположим, что в „суде над Гапоном" защитник является более сильным, более знающим, лучшим оратором, нежели проку-

рор. Тогда успех суда будет поколеблен, а при определенной недружелюбной аудитории, заполнившей зрительный зал, суд может и вовсе провалиться. Во всяком случае, оправдательный приговор в данном случае не будет убедителен, и поставленная суду задача — не выполнена. Вот почему важен осторожный подбор отдельных исполнителей. В тех случаях, когда, наоборот, предстоит вынести оправдательный приговор, свидетели защиты и защитник должны быть особенно сильны и хорошо подготовлены. Их нужно также поставить в более благоприятные условия в отношении предоставляемого им времени. Что касается до председателя, то он обязательно должен быть, что называется, „подкован на все четыре ноги".

Элементы импровизации.

Какое место должна в постановке суда занять импровизация? Этот вопрос, конечно, разрешается в значительной мере в зависимости от общего развития исполнителей, их ораторских талантов, их полемических способностей и т. д. Принципиально нужно стремиться к возможно усилению элемента импровизации. Импровизированные речи отличаются большей живостью, нежели заученные, они более убедительны, они действуют не ложным „переживанием", а действительным под'емом, подчас даже энтузиазмом, на который не способен исполнитель, выступающий с заученной речью. Польза от импровизации для самих исполнителей столь очевидна,

что о ней говорить не приходится. Как минимум, мы рекомендуем импровизировать последнее слово обвиняемого, речь защитника и прокурора. Совершенно недопустимо ставить суд под суфлера.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АГИТСУДА НАД ГЕОРГИЕМ ГАПОНОМ.

Методические и организационные указания к постановке агитсуда над Гапоном.

1. Здесь совершенно нет „свидетелей защиты“ ибо исторически Гапон осужден. Для сценичности можно ввести в качестве защитников Гапона: а) даму-патронессу — персонаж комический, — защищающую Гапона, как проповедника и человека, умевшего тронуть дамские сердца; б) босяка, которого спас Гапон, отдав ему свои сапоги; в) полковника Мина, который был произведен в генералы за усмирение рабочих; г) Рачковского — начальн. охранного отделения, уверяющего, что Гапоны нужны, ибо через них можно вылавливать революционеров.

2. Порядок допросов: 1) Защитник требует оглашения параграфа 1 — устава общества. 2) Допрос свидетеля Павлова, бывшего актера, ближайшего сотрудника Гапона. 3) Показания свящ. Попова. 4) Оглашение показания „неявившегося свидетеля“ проф. Святловского (о пропаганде Гапона). 5) По предложению прокурора оглашение справки охранного отделения. 6) Показания Зубатова.

7) Показания большевика. 8) Оглашение письма Гапона к Зубатову. 9) Показание рабочего — „почему он пошел к царю“. 10) Допрос Рутенберга.

3. Характер агитсуда. Необходимо помнить, что в событиях 9 января 1905 года Георгий Гапон только аксессуар, только случайный штрих. Главное действующее лицо — пролетариат. Поэтому агитсуд должен базироваться, главным образом, на факте осквернения Гапоном светлой памяти расстрелянных рабочих. Слова рабочего, казнившего Гапона: „Нет у Гапона прошлого: Он его бросил к ногам грязных сыщиков“ — должны быть лейб-мотивам.

4. Организационная сторона агитсуда: необходимо выбирать лучших исполнителей для свидетеля обвинения. Лучше всего, если роль прокурора возьмет на себя преподаватель. Свидетели защиты должны быть бледней. Защитник не оправдывает Гапона, он только просит снисхождения для него. Все исполнители должны быть загримированы и в соответствующих костюмах.

5. Предварительная подготовка. Все участники должны быть ознакомлены подробно со всеми материалами настоящей книжки [1]). Следует помнить, что сценарий агитсуда дает лишь фактический материал, сценическое же воплощение должно давать полный простор участникам.

---

[1]) Если будет возможность, желательно знакомство со ст. Рутенберга — „Дело Гапона“ — Былое, август 1917 года.

6. Кто судит Гапона. Судьями Гапона являются рабочие и крестьяне советской России. Они судят его по 67-й статье за службу в охранке и за вред причиненный оскорблением памяти, расстрелянных 9 января 1905 года, рабочих. Приговор выносит суд: вечное изгнание из пределов рабоче-крестьянской России. Виновен или не виновен Гапон, можно голосовать среди зрителей, которые изображают народных заседателей.

7. Роль лица, играющего Гапона. Гапон во время суда сидит с опущенной головой. Он лишь изредка вскрикивает: „нет, не виновен", „пощадите". Во время показания свидетелей защиты, пытается говорить, но его прерывает председатель. Когда появляется свидетель Рутенберг, Гапон вскакивает и со словами: „и ты, Брут" и вновь падает на скамью подсудимых.

8. Место агитсуда в программе праздника. Чрезвычайно желательно, чтобы вслед за докладом о 9-м января был поставлен агитсуд. „Личность Гапона" всплывет в самом начале и его осуждение покажет зрителям, что великие события рождаются коллективом, массой и личность играет малую роль. Вопреки Гапону и наперекор планам охранки из гапоновщины родилась русская Революция.

1. Обвинительный акт.

Обвинительное заключение.

По делу о бывшем священнике Георгии Аполлоновиче Гапоне, обвиняемом в активной борьбе

против рабочего класса и революционного движения путем сотрудничества в охранном отделении и провокационной деятельности в рабочих организациях.

Часть историческая.

Последние годы XIX и начало XX века характеризуются усилением рабочего движения в России, вызванным ростом промышленного развития страны, а также и ростом классового самосознания пролетариата. В стремлении к улучшению своего экономического положения различные слои рабочих втягиваются в борьбу с капиталом, которую и проводят в виде все учащающихся стачек, имеющих непосредственной целью увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Вместе с тем, растет в среде рабочего класса влияние социал-демократии, стремящейся ввести спорадически вспыхивающие стачки в русло организованной борьбы всего пролетариата за свое освобождение. Наступление капитала на рабочий класс, вызванное развившимся в стране в 1901—1903 г. промышленным кризисом, не остановило борьбы рабочего класса, но привело только к еще большему сплочению пролетариата, к усилению стачечного движения, а также к переходу к новым формам борьбы, как демонстрации и уличные выступления.

Так, в 1901 г. был целый ряд железно-дорожных забастовок в Саратове, Тамбове, опять Сара-

тове, Тифлисе. Начинаются стачки в Донецком бассейне, волна забастовок прокатывается по Кавказу. В 1902 г. происходит знаменитая стачка в Ростове. В этот же период происходит ряд уличных рабочих демонстраций во всех концах России.

Этот рост рабочего движения не мог не обеспокоить царское правительство, которое, увидев нарастание новой общественной силы, угрожавшей его существованию, и убедившись в невозможности бороться с ним одними репрессиями, пришло к мысли о введении в известные рамки рабочего движения путем предоставления некоторой легальности рабочим организациям и содействиям экономическим требованиям рабочих при одновременной усиленной борьбе со всякого рода революционными тенденциями в среде рабочего класса и отвлечение рабочих от политической борьбы.

Выполнение этой задачи взял на себя начальник Московского охранного отделения Зубатов.

Поставив себе целью „удовлетворение их (рабочих) духовных и умственных интересов и отвлечение рабочих от преступной пропаганды", Зубатов организовал ряд рабочих обществ, но деятельность их не увенчалась никаким успехом, так как в некоторых местах (Петербург), рабочие не желали записываться в общества, явно руководимые охранкою, в других (Одесса) результаты деятельности общества оказались прямо противоположными тому, к чему стремилось царское правительство.

Очевидно было необходимо действовать другим путем. Нужно было создать якобы „независимые“ общества, связь которых с охранкой не была бы очевидной, нужно было найти других, более популярных в рабочей среде руководителей, чем агенты охранного отделения, которые при наличии потребности широких масс в открытых организациях и стремлении некоторых более сознательных, но и более оппортунистически настроенных рабочих выйти из подполья, могли бы руководить обществами в желательном для правительства направлении.

Такой руководитель нашелся в лице священника Георгия Гапона.

Приехав в 1898 г. в Петербург и поступив в духовную академию, Гапон скоро зарекомендовал себя, как выдающийся оратор и проповедник, умеющий зажигательно действовать на простые народные массы. Будучи близок через разных дам-патронесс к административным кругам, заинтересовавшимся, в свою очередь, Гапоном, благодаря его проектам о благотворительной деятельности среди босяков, Гапон сумел познакомиться с представителями охранного отделения и с самим Зубатовым, который нашел в нем незаменимого исполнителя своих планов.

Будучи близок к некоторым рабочим, посещавшим его проповеди, Гапон предложил им организовать совместно широкое рабочее общество, которое и открыло свою деятельность в октябре 1903 г

Часть особенная.

В октябре 1903 г. гапоновское общество начало свою деятельность, первоначально в Выборгском районе, путем организации чайной, где происходили собрания и кружковые заседания, а также музыкальные и танцовальные вечера. Деньги на организацию чайной были получены от охранного отделения, хотя от рабочих это обстоятельство было скрыто.

15/II 1904 г. был утвержден устав организации под названием „Общества русских фабричных и заводских рабочих“, а 11/IV того же года состоялось торжественное открытие, ярко характеризующее самое общество. В конце заседания была отправлена верноподданическая телеграмма „обожаемому монарху“ и трекратно исполнено „Боже царя храни“. Через некоторое время вследствие развития деятельности общества, последнее приступило к открытию отделов, в первую очередь в Нарвском районе, причем и в этом случае деньги были ассигнованы правительством, причем 150 руб. было дано особ. отделом департамента полиции, 210 — Спб. охр. отделен. (справка отдел. по охр. порядка и обществ. безопасности в г. Спб.), причем и в этом случае деньги были взяты, якобы, у сибирского купца. Эта связь Гапона с охранкой продолжалась во все время деятельности общества.

Декабрь 1904 г. принес с собой для общества ряд важных событий. Увольнение 4-х рабочих на

Путиловском заводе вызвало сильное волнение среди членов общества, единодушно требовавших выступления общества в защиту рабочих.

Захлеснутый этой волной под'ема, боясь потерять свой авторитет среди рабочих, Гапон вынужден был стать во главе движения. После неоднократных попыток соглашения с администрацией Путиловского завода, окончившихся неудачей, у рабочих возникла мысль о подаче петиции самому царю. Будучи близок к кругам охранного отделения, Гапон не мог не знать, что такая попытка вызовет расправу с рабочими, тем не менее, увлекшись предстоящей ему новой ролью, вследствие своего легкомыслия и склонности к авантюризму, Гапон взял на себя организацию шествия и составления петиции, при чем при редакции последней воспользовался указаниями членов соц. организац., несмотря на то, что на собраниях вел демогогическую травлю против социалистов и недопускал их в свое общество. Это шествие к царю закончилось всем известным расстрелом, моральная ответственность за который падает, таким образом, и на Гапона.

После событий 9-го января Гапон бежит за границу, где продолжает разыгрывать из себя революционного вождя, но его полнейшее невежество в политических вопросах скоро отталкивает от него всех социалистов, и даже с.-р. партия, куда он было вступает, исключает его из своих рядов. Тогда Гапон начинает действовать само-

стоятельно. Добившись путем обмана 50 т. фр. от Сокова, он тратит их частью на себя лично. Поняв, что за границей он ничего сделать не может и никакой роли играть не будет, он прилагает все усилия к возвращению в Россию, но не как революционер, а через ту же охранку. Он вступает в сношения с чин. особ. поруч. при м-ре внутренних дел Монасевичем-Мануйловым, через которого и заключает с правительством сделку. Пр-во выдает 30 т. рубл. на нужды гапоновского движения, открывает вновь его общество и легализует его самого.

В декабре 1905 г. Гапон окончательно возвращается в Россию, где вступает в сношения с директором д-та полиции Рачковским. Последний, не удовлетворяясь прежней деятельностью Гапона, дает ему задание привлечь на сторону Департамента полиции кого-либо из видных революционных деятелей, например, Рутенберга, и Гапон ревностно принимается за осуществление этой задачи.

В нескольких разговорах с Рутенбергом, Гапон пытается увлечь его мыслью, обмануть охранку и под видом сотрудничества использовать ее в революционных целях. Но постепенно, раскрывая карты, все более откровенно сообщает о своих планах и стремится втянуть Рутенберга в орбиту влияния охранки. Но здесь Гапон терпит окончательное крушение. Рутенберг не поддается провокации и изобличает Гапона.

Резолютивная часть.

На основании вышеизложенного б. священник Г. Ап. Гапон предается суду верховного трибунала по обвинению в активной борьбе против рабочего класса и революционного движения путем сотрудничества в охранном отделении и провокационной деятельности в рабочих организациях, т.-е. преступлений, предусмотренных ст. 67 угол. кодекса.

2. Устав.

§ 1. Собрание русских фабрично-заводских рабочих СПБ учреждается:

а) для трезвого и разумного препровождения членами собрания свободного от работы времени с действительной для них пользой как в духовно-нравственном, так и в материальном отношениях, б) для укрепления и возбуждения в среде членов-рабочих русского национ. самосознания, в) для образования и развития в них разумных взглядов на обязанности и права рабочих и, наконец, г) для проявления членами „собрания“ самостоятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих.

3. Показания Павлова.

„Ближайшие сотрудники Гапона хорошо его понимали, считались с его желательными и нежелательными сторонами. До самого 9/I они не только

не вполне доверяли Гапону, но даже самым формальным образом следили за ним и за всеми его действиями. Ему было предложено прекратить сношения с охранкой, он это обещал, но, очевидно, эта операция не легко ему давалась, так как эти сношения все же продолжались.

На самом деле — Гапон далеко не играл той роли, какая ему приписывалась. "Душою всего дела были супруги К. (Карелины). К ним непосредственно примыкают Х—в (Харитонов), И—в (Иноземцев) и др. Эта была прямая оппозиция Гапону, вплоть до 9-го января к названным лицам тяготели, как к своим товарищам рабочим, почти все заметные рабочие организации".

4. Показания священника Попова.

„Гапон приехал в Петербург в 1898 г. для поступления в СПБ духовную академию. Здесь его сразу же не взлюбили студенты за неприятно бросавшуюся в глаза практичность. Однажды он, например, выселил служителя канцелярии из комнаты и занял ее сам, сообщив начальству о том, что тот не имеет права жить в академии. Когда Гапон был на II курсе, его пригласили священником в приют „Синего Креста“ и в Ольгинский дом для бедных. Здесь он всех очаровал своими службами и проповедями, начальство было от него без души. Он внес большое оживление в среду обитателей приюта, а обитательницы наперерыв несли к нему свои альбомы или книги

для надписей, и он вписывал туда стихи... Вскоре Гапон увлекся идеей спасения босяков, путем учреждения колонии, трудолюбивой благотворительной организации. Он долго писал и переписывал проект, и в течение многих дней и вечеров старшие воспитанницы, в возрасте от 15—18 лет, сидели у него в комнате, под предлогом диктования и помощи в письменной работе. Этот проект создал Гапону популярность среди светских благотворительниц и он уже знать не хотел ни приюта, ни церкви, ни проповедей. Он стал подолгу отлучаться и возвращаться в раздраженном состоянии. Заведующие приютом боялись огорчить его, а он стал еще надменнее: то рассердится, что кушанья ему не приготовили, то он промочил ноги и требовал, чтобы ему несли сухие чулки, хотя бы и женские. В церкви, во время службы, прежнего самоотвержения как не бывало, а однажды он отказался напутствовать больного, испугавшись того, что он был тифозный. Стал хорошо одеваться; с начальством приюта начались ссоры, и оно решило его удалить. На заседании совета, во время вопроса об его удалении, Гапон очень горячился и проклинал всех, а потом поднялся в церковь, откуда запахло гарью. Гапон был удален. Через некоторое время в церковь стали поступать неоплаченные счета из разных магазинов за взятые Гапоном вещи, будто бы для церкви, между тем, как раньше царила уверенность, что счета оплачены, так как на этот предмет Гапон производил сборы“.

5. Показания Святловского.

„У Гапона собралось от 60 до 70 чел. рабочих, самых избранных из всех отделов, самых образованных и сознательных, и они систематически начали заниматься. Собрания эти были почти что тайными и велись довольно систематически. Начались они с отчетов о тех недоразумениях по различным теоретическим вопросам, которые у них на месте требовали раз'яснений. А затем эта коллегия пропагандистов перешла к разбору разного рода вопросов как политического, так и экономического характера, и в порядке дня был поставлен разбор различных конституций. Были рассмотрены конституции: германская и английская. Затем вопросы экономические: о поднятии заработной платы, о кооперативном движении, об организации потребительных лавок, о тред-юнионизме. Затем касались истории рабочего движения в России. Была подробно разобрана книга Степняка — „Подпольная Россия“. Небольшая группа социал-демократических рабочих, входивших в эту коллегию пропагандистов, давала определенную и сильную окраску всем рассуждениям и прениям.

В начале ноября прошло несколько партийных агитаторов, окончивших свои страстные, внимательно выслушанные, речи заявлением: „Долой самодержавие“. Последнее заявление было встречено большим негодованием. Но когда более развитые члены собрания стали раз'яснять и конкре-

тизировать этот абстрактный лозунг, указывая, что он означает, чтобы сами рабочие выработали для себя законы, и что для этого необходимо организовать волю царя, рабочие успокоились и в результате сами приходили к заключению, что заявление „Долой самодержавие“ ничего ужасного не представляет“ [1]).

6. Показания свидетеля Рутенберга — социалиста-революционера, члена боевой организации с.-р.

„5 января 1905 года я познакомился с Гапоном, бывшим тогда священником в церкви при Путиловском заводе. Я имел возможность наблюдать Гапона 9-го января во время расстрела. Он был сильно напуган расстрелом, я спас его, дав ему возможность скрыться. После расстрела он вел себя чрезвычайно растерянно: то падал духом, то вновь начинал говорить кровавые речи и все время требовал у меня динамита и бомб. Стачка падала, и Гапон видел, что ему нечего делать в Петербурге. Он решил переехать за границу. За границей он показал себя, как крайне неустойчивый и политически невежественный человек. Он соглашался и с с.-д., соглашался и с эс-эрами. Он не мог прочесть даже маленькой брошюры. Мысль его все время блуждала в кровавом чаду и сам

---

1) В. Святловский. „Профес. движени в России“ — стр. 81. Айзнафт. стр. 56.

он чувствовал себя вождем. Атмосфера за границей, знакомство с Плехановым, Жоресом, Вальяном и Клемансо вскружили ему голову. Неслыханные гонорары за рукописи, плакаты о театральных представлениях о Гапоне, жадные интервьюры, разные знаменитости (вплоть до английской принцессы), добивавшиеся встречи с ним — все это приятно волновало Гапона. Интересный штришок. Он — революционер, закатил истерику окружающим: на прием Клемансо ему купили крахмальную сорочку с гладкой, а не гофрированной грудью. В этой мелочи отразился Гапон неуравновешенный, самовлюбленный, одновременно и презирающий и чающий ласк „великих мира сего". Гапон получает вкус к деньгам. Он получает от эмигранта Сокова 50 тысяч франков и тратит их на себя. Вот картина, рассказанная очевидцем. Парижский кабак. За столом охмелевший, загрустивший Гапон. Кругом содом. Гапон поднимает голову с помутившимися глазами, зовет гарсона: „Гарсон, Реве тай стогне". Французский гарсон, конечно, не понимает. Гапон сердится, бьет кулаком по столу, настаивает на своем. Его стараются понять и удовлетворить. В оркестре отыскивается интернациональный скрипач, понявший, чего от него требуют. Плачет скрипка. Плачет Гапон. Мысли его далеко от окружающего его кабацкого, обратившего на него внимания, хаоса.

„Реве тай стогне, Днипр широкий,
Сердитый витер завыва,

До долу вирбы гне високи,
Горами хвылю пидийма...“

Скрипач кончил, расшаркался с изысканной, любезной улыбкой. Гапон брезгливо запускает пальцы в жилетный карман и швыряет скрипачу золотой. Так проводил время „вождь“ рабочих масс за границей.

Революция 1905 года легализует Гапона и он возвращается в Россию. Здесь начинается наиболее позорная страница его жизни. В связи с широким рабочим движением, образованием советов рабочих депутатов, правительству вновь понадобился Гапон. Ему было дано 30 тысяч рублей графом Витте, тогдашним премьер-министром, на открытие вновь „отделов“. Правда, Гапон утверждал, что он получил лишь 7 тысяч рублей, но факт на лицо. 7 тысяч рублей Гапон истратил на себя, лишь часть пошла на рабочих. К этому же времени относится знакомство и тесная денежная связь между Гапоном и вице-директором департамента полиции Рачковским. Кроме зубатовщины среди рабочих, которая после разгрома революции 1905 года стала ненужной, Гапон взял еще обязательство перед Рачковским — узнать и выдать заговор против царя, Витте и Дурново. Это обязательство он предполагал провести через меня, соблазнив меня сделаться провокатором. Гапон знал, что я состою членом боевой организации. Гапон, как полагал, очень тонко соблазнял меня... 100 тысяч рублей, которые можно получить за предательство; о всех

переговорах с Гапоном я ставил в известность Ц. К. П. С.-Р., который поручил мне продолжать игру с Гапоном. Я решил обратиться к рабочим — членам партии — и рассказать им, в чем дело, но они никак не могли примириться с тем, что Гапон полицейский провокатор. Я позвал их на дачу в Озерках и здесь, не видя их, — они были спрятаны, — Гапон распоясался и полностью показал свое обличие, обличие провокатора, человека, торговавшего кровью рабочих, авантюриста и карьериста. Рабочие требовали смертной казни над Гапоном... я кончил“.

7. Показания Зубатова.

„Знакомство мое с Гапоном относится к осени 1902 года. Произошло оно через местную администрацию, протежировавшую Гапона, в виду его записки об организации босяков. В виду полного невежества Гапона по части политики, например, его полного незнакомства с профессиональным движением, я поручил обработку Гапона своему помощнику из рабочих — Соколову.

Относительно источников денежных средств Гапона могу показать следующее.

Однажды рабочие обратились ко мне с просьбой помочь деньгами „батюшке“, так как по их наблюдениям он, видимо, сильно нуждался. Я завел деликатно об этом речь с Гапоном, и он не отказался от ежемесячного пособия в 100 рублей.

При сдаче мною должности тому лицу, которое навязало мне знакомство с Гапоном, оказался такой казус: просматривая оправдательные денежные документы, оно увидело запись: „Гапону 100 руб.“ и очень взволновалось, так как само ему платило столько же. Впоследствии это лицо мне призналось, что, будучи вынуждено давать градоначальнику подробные сведения о моих начинаниях в СПБ по рабочему вопросу и опасаясь быть назойливым в отношении меня своими расспросами, оно приставило ко мне в качестве агента Гапона, которому и платило за такое осведомление 100 рублей в месяц.

Такова была начальная карьера героя 9-го января.

В общем же, не будучи искренним моим сторонником, Гапон не мог быть моим естественным продолжателем“ („Былое“, № 4, 1917 г.).

8. Выписка из справки отделения по охране порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге.

„30-го же мая сего года состоялось открытие I-го отдела собрания за Нарвской заставой в прекрасном помещении, законтрактованном также на три года (Петергофское шоссе, д. 42). Оборудование 2-го помещения с чайной обошлось 360 рублей, из коих 150 рублей были даны особым отделом

департамента полиции и 210 рублей С.-Петербургским охранным отделением.

Подлинное подписал:

Подполковник Кременецкий.

С подлинным верно: (подпись неразборчива)".

9. Письмо Гапона Зубатову.

„Вас, своего учителя, не забываем, помним и недавно, в одном из кружковых собраний, когда был поднят вопрос о вас, смело, удивительно смело и горячо выступили за вас и за вашу идею. Впечатление получилось очень хорошее. Одним словом, не сказываем, что идея своеобразного рабочего движения — ваша идея, но подчеркиваем, что теперь связь с полицией порвана (так оно на самом деле и есть), что наше дело правое, открытое, что полиция может только контролировать нас, но не держать на привязи".

„Г. Смирнов (председатель общества трезвости) хочет принять нас к себе, но у нас мелькнула надежда быть самостоятельным в некотором роде обществом" („Былое", 1917 г., 4, стр. 170, август — ноябрь 1903 г.).

10. Показание рабочего.

(„Почему я пошел к царю")...

„Все говорили: пойдем к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему:

отец, прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, т.-е. детям твоим; мы знаем, ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем, как всегда измучены и при том невежественны, подобны скотам, почти что все неграмотны. Ожидали все получить, это все, что говорили, и при том говоря так: ведь и в евангелии сказано, что отец принял блудного сына, а мы ведь не блудные, мы все стараемся, убиваемые и при том сидим голодом" („Красная Летопись", № 1, стр. 31).

При составлении сценария обязательно включить в число действующих лиц — обвинитель против Гапона. Как шел к царю он за Гапоном и как на площади, под пулями, переродился.

11. «Вперед».

(Орган Р. С.-Д. Р. П. (большев.) № 4, 1905 г.).

1. Только столкнувшись лицом к лицу со стачечной, стихийно вылившейся лихорадкой, охватившей с сегодняшнего дня почти все заводы, фабрики и даже мелкие мастерские, только сегодня мы можем учесть всю дезорганизованность партии. Результат ее тот, что мы, СПБ организация, совершенно бессильны перед стихийным рабочим движением. Стоит только выйти на улицу и посмотреть, что делается кругом, чтобы понять,

до чего мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листков, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать? Выпустить несколько сотен листков, которые будут буквально незаметны, послать несколько ораторов, предоставив их самим себе...

Эта и вторая выдержка могут быть вложены в уста рабочего-большевика, как характерная иллюстрация к тому огромному разложению, которое внес своей зубатовской политикой в рабочее движение Георгий Гапон.

2. „Руководство движением находится до сих пор в руках зубатовцев. Мы наблюдаем невиданную в Петербурге картину и сердце сжимается страхом в состоянии взять хотя через некоторое время движение в свои руки. Положение крайне серьезное"...

12. Речь обвинителя.

1. Наказание можно расценивать как возмездие и как социальную необходимость (обезвреживание социально-опасных людей). Поведение Гапона: его предательство, служба в охранке, получение денег от Рачковского — вице-директора департамента полиции, — грязь, которая налипла на 9-е января, обнаруживает социальную опасность, которую представляет личность Г. Гапона.

2. Поведение Гапона до 9-го января видно из показания священника Попова. Мелкий эгоист, фразер, человек позы, он сам верит в свою ложь и ничем не брезгует для целей карьеры. Босяки, нищие, преступники и, наконец, пролетарии — униженные и оскорбленные — вот фон, на котором вышивает узоры своего благополучия Гапон, искусно эксплоатируя филантропические чувства дам-патронесс.

3. С нечистыми помышлениями пошел Гапон на Дворцовую площадь с толпой. Записки охранного отделения, имеющиеся в деле, показывают тесную связь Гапона с Зубатовым, источники средств, на которые открыты отделы. Гапон играл двойную игру. Хотел ли он обмануть царя — неизвестно, но народ он обманул, заведомо зная из предварительных переговоров с властью имущими (Витте, Святополк-Мирским и др.), что народ не допустят к царю, что будут стрелять; правда, он был уже не волен над массой, но он мог призвать ее к активным действиям, к восстанию, но этого не зделал—он не желал ни с кем делить власти,— боялся революционных партий.

4. Поведение Гапона на площади было трусливым. Показания свидетеля Рутенберга так рисуют его: „трупы были направо и налево от меня. Около них большие и малые алые пятна на белом снегу. Валялись в окровавленном снегу хоругви, кресты, царские портреты и трупы тех, кто их нес. Рядом со мной, свернувшись, лежал Гапон. Я его толк-

нул. Из-под священнической шубы высунулась голова с остановившимися глазами.

— Жив, отец?

— Жив.

— Идем?

— Идем.

Мы поползли через дорогу. Он был беспокоен и растерян, пока грозила опасность, тщеславен и легкомысленен, когда опасность проходила. Еще, когда на Невском продолжался расстрел, он произносит, стриженный и переодетый, от имени отца Георгия Гапона, никому ненужную, ничего незначущую речь в вольно-экономическом обществе с хоров.

5. За границей Гапон полностью показывает свою беспринципность, записываясь то в с.-д. партию, то к эс-эрам, то мечтая организовать свою гапоновскую партию, не брезгуя и средствами, беря их направо и налево. В. Адлер — вождь австрийских с.-д., познакомившись с Гапоном, заявил: „жаль, что он не умер на Дворцовой площади, Гапон принадлежит к людям, которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии“.

6. 1906 год — является годом открытого предательства Гапона, он растратил деньги, данные ему Витте на отделы, он вступает в тесную связь с директором департамента полиции Рачковским и обещает ему через с.-р. Рутенберга выдать лиц, участвовавших в заговоре против царя, Витте (тогдашний премьер министр) и Дурново (министр

внутренних дел) и здесь он паясничает и играет, как актер, заявляя, что делает это во имя интересов революции, что он хочет „обмануть охранку“.

7. Гапон-предатель, провокатор, растратчик рабочих денег. Он осквернил честь и память товарищей, павших 9 января, он бросил кровь рабочих к ногам грязных сыщиков.

13. Речь защитника.

1. Не нужно вдаваться в оценку Гапона, как личности. Важно, какую об'ективную роль сыграл он в революционном движении, — он возглавлял рабочие массы, он был вместе с ними, он вдохновлял их. Прочтите петицию к царю, недаром Л. Троцкий характеризует ее, как документ, в котором „угроза пролетариата заглушает просьбу подданных“. Требование свободы слова, печати, собрания и союзов, равенство всех перед законом, амнистия и, наконец, требование созыва учредительного собрания — это революционные требования в России самодержавной, это были требования всех революционных партий в 1905 году. Об'ективно Гапон сыграл огромную роль в деле революционизирования рабочих масс.

2. Его нельзя обвинять в сознательном желании подвести под расстрел рабочих. Вспомним слабость тогдашних с.-д. организаций. Недаром Н. К. Крупская писала 5 января 1905 года: „а где же прокламации, которыми комитет сулился за-

сыпать весь город. Мы не получаем, нет сведений о стачке, нет связей, все узнаем из иностранных газет. В деле есть корреспонденция из газеты „Вперед“, где ясно видна растерянность большевистских организаций“.

3. В эмиграции Гапон сделался игрушкой в руках революционных партий. В этом виноваты условия жизни, выплеснувшие его на авансцену. Сам свидетель Рутенберг так характеризует положение Гапона за границей: „неслыханные гонорары за рукописи, фантастические сказки о нем в печати, иностранные „знаменитости“ (вплоть до английской принцессы), добившиеся посмотреть на него, плакаты о театральных и балаганных представлениях с надписью „Гапон“ — все кружило ему голову, все говорило ему, что он может быть только вождем революции, а не ее рядовым членом“.

4. Был ли Гапон предателем, Мы знаем целый ряд фактов из истории революционного движения (например, Клеточников, член партии „Народной Воли“), когда революционеры, во имя блага революции, поступили в охранку. Гапона можно обвинять лишь в слабости. Он хотел перехитрить охранку, охранка перехитрила его.

14. Вопросы для заключения судей о виновности Гапона.

1. Виновен ли бывш. свящ. Георгий Аполлонович Гапон в том, что, используя недовольство ра-

бочих существовавшим в 1905 году экономическим и политическим строем организовал на средства охранки „отделы ф.-з. рабочих“ и этим самым отвлек рабочих от политической борьбы против царизма?

2. Виновен ли бывш. свящ. Г. Гапон в том, что заведомо зная, что быв. царь Николай II не допустит идущих ко дворцу рабочих, лично стал во главу шествия и с иконами и хоругвями повел толпу на Дворцовую площадь, где погибло 1000 человек рабочих?

3. Виновен ли Георгий Гапон в том, что в целях личного обогащения и во вред рабочему классу поступил в охранное отделение и, получая деньги от вице-директора департамента полиции Рачковского, предавал интересы революции, обещая выдать революционеров, организовавших покушение на царя и его министров Дурново и Витте; хотя означенное предательство не совершилось по причинам от Г. Гапона независящим?

3. Письмо Г. Гапона к рабочим после расстрела.

Родные! Братья товарищи рабочие! Мы мирно шли 9-го января к царю за правдой, мы предупредили об этом его опричников, министров, просили убрать войска, не мешать нам итти к царю. Самому царю я послал 8 января письмо в Царское Село, просил его выйти к своему народу, с благородным сердцем, с мужественной душой. Ценою

собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась. Зверь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа сознательно захотели быть и сделались убийцами наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царский портрет, прострелили этот портрет и убили нашу веру в царя. Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его земному отродью, министрам, всем грабителям русской земли. Смерть им всем. Вредить всем кто чем и кто как может, я призываю всех, кто искренно хочет помочь русскому народу свободно жить и дышать — на помощь. Всех интеллигентов, студентов, все революционные организации (социал-демократов, социалистов-революционеров), всех. Кто не с народом, тот против народа. Братья-товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы.

Пищу, чтобы накормить себя, и оружие разрещаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит — все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ, где нет ни еды, ни оружия. Не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить 9 сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты. Уничтожайте ненавистную народу полицию. Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей,

всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиться свободы — мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю. Дорогие товарищи герои! Не падайте духом. Верьте, скоро добьемся свободы и правды; неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте все, кто может, и распространяйте между собой и по всей России, это мое послание и завещание, зовущее всех угнетенных, обездоленных на Руси восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут или расстреляют, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мне вами сотнями тысяч клятву. Боритесь, пока не будет созвано учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, где будут избраны вами сами защитники ваших прав и интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю.

Да здравствует грядущая свобода русского народа.

Священник Георгий Гапон.

12 час. ночи 9/1—1905 г.

---

4. „Смерть Гапона“.

(Пьеса в 1-м действии).

Действующие лица:

Гапон.
Тов. Мартын.
Слуга.
1-й рабочий.
2-й рабочий.
3-й рабочий.

Действие на даче в Озерках 28 марта 1906 года в 4 часа дня. Небольшая комната нежилой очень скромно меблированной дачи. Два окна. Две двери: входная и в смежную комнату. Стол. Два стула. На сцене рабочие.

1-й рабочий. У нас нет никаких оснований не верить тов. Мартыну. И если все, что он говорил правда, мы убьем Гапона не дождавшись решения партии.

2-й рабочий. Все это так. Мы верим тов. Мартыну, мы его знаем давно, но вся беда в том, что он партийный человек и, главное, интеллигент. Я боюсь, чтобы темная рабочая масса не обвинила нас впоследствии в том, что мы действовали под давлением врагов Гапона. Он герой в глазах рабочих масс, он их вел и они слепо шли за ним.

3-й рабочий. Товарищи, да я же вам говорю точно: когда я катал, как извозчик, Гапона с Мартыном, я все слышал своими ушами. Он продал нас. Гнусно и подло продал. Он получает деньги

от полиции. Соблазнял на провокацию и тов. Мартына. Его надо убить. Не задумываясь. Сейчас же, как войдет сюда.

1-й рабочий. Нет, не будем торопиться. Убить человека легко, а ошибиться еще легче. Убедимся все воочию, что это правда, и тогда...

3-й рабочий. Пулю в лоб. Без разговоров. Проклятая собака.

Слуга (быстро входит). Товарищи! Идут. Уходите скорее.

1-й рабочий. Смотри, ребята, не осталось ли в комнате чего подозрительного. Чья шляпа? Уберите шляпу.

2-й рабочий. Моя. Следите за дворником. Как бы не явился невзначай.

Слуга. Конечно.

3-й рабочий. Не забудьте повесить замок на двери. Пусть думают, что комната под замком, пустая.

Слуга. Ладно, идите, скорей.

(Рабочие уходят в смежную комнату. Слуга продевает в кольца висячий замок. Замыкает его. Быстро уходит. Пауза. Через некоторое время голоса. Входят Гапон и Мартын).

Гапон (входит первым). Вот это я понимаю. Ты всегда такое место найдешь, что ни одна собака ни о чем не догадается. (Сбросил шубу, уселся на диване лицом к двери с замком). Теперь можно поговорить толком. Слушай, Мартын. Надо кончать, ей богу, и что ты ломаешься, 25,000 рублей — хорошие

деньги. Нужно сперва только выдать 4 человек из боевой организации.

Мартын. Ты ведь говорил мне в Москве, что Рачковский дает 100.000 рублей.

Гапон. Я тебе этого не говорил, это недоразумение.

Мартын. Чтобы я за 25.000 рублей послал людей на виселицу. Да за одно то, что я с ним пообедаю, он должен дать 25.000. Подумаешь, какой-то сыщик...

Гапон. Что ты, брат, он действительный статский советник.

Мартын. Знаю. Директор департамента полиции.

Гапон. Старше. Директор, заведывающий политическими делами всей России.

Мартын. Это все равно. За 25.000 рублей выдавать людей я не пойду.

Гапон. Да он и больше даст. Почему ты знаешь. Сейчас они в затруднительном положении. Рачковский говорит, что эс-эров у них сейчас нет. Были, да провалились.

Мартын (быстро). Он называл кого-нибудь?

Гапон. Нет. Сказал только, что два человека очень серьезные совсем было добрались до центра, да провалились. Товарищи узнали. А им надо — понимаешь, Рачковский боится покушения на Дурново. Вот с этого дела тебе и надо начинать.

Мартын. А если он меня обманет? Все расскажу, а он денег не дает.

Гапон. Даст, ей-богу даст. Ты приходи завтра в 10 часов вечера в ресторан Кюба. Спросишь, где кабинет Иванова. Тебе укажут. Ты можешь ему свободно все говорить. Он безусловно порядочный человек и не надует. Заплатит даже с благодарностью, как только убедится, что дело серьезное. Ты в этом не сомневайся. Я тебе говорю. На всякий случай можно все карты не открывать. А надует—мы его убьем.

Мартын. А если мои товарищи узнают? Ведь это, без лишних разговоров, — пуля в лоб.

Гапон. Ерунда. Ничего они не узнают. Главное — доказательств нет. Не пойман за руку — не вор. Пусть докажут. Документов ведь никаких нет. А обставить дело практически так, чтобы товарищи тебя не заподозрили, об этом позаботится Рачковский. Он человек опытный. В его практике много уже таких случаев было. Теперь те благоденствуют. Почтенные члены общества. И никто ничего не знает.

Мартын. А сколько ты получаешь от Рачковского за меня?

Гапон. Покуда ничего, а сколько потом получу, покуда не знаю.

Мартын. У тебя поди и без того денег много. Ты богач теперь.

Гапон. Откуда?

Мартын. Ну, за свою книгу получил.

Гапон. Ну, что же десять тысяч — ерунда.

Мартын. Да пятьдесят тысяч от Сокова на рабочие организации.

Гапон. Все израсходовал.

Мартын. Куда же ты деньги девал?

Гапон (неохотно). Рабочим много отдал. Когда Петрова, в качестве уполномоченного от рабочих организаций, за границу выписывал, пришлось на дорогу дать. Другим еще. Есть семьи рабочих, которых я поддерживаю каждый месяц, ей-богу.

Мартын. А что Петров все разоблачает тебя?

Гапон. Ну, подумаешь, разоблачает. Пишет правду о Гапоне. Кто ему поверит. Ну, что он может написать про меня?

Мартын. Распишет твою парижскую жизнь.

Гапон. А что он напишет? Что я ему кабаки показывал в Париже? Что же тут такого страшного? Пишут в газетах, что я в Монте-Карло в рулетку играл. Ну, играл и выграл. Я плюю на всех, и на общество, и на печать, и на революционные партии, и на всех; мне важно мнение моих рабочих; а они мне доверяют. Те, которые сомневались, не доверяли, мне не нужны: с ними дела не сделаешь.

Мартын. Черемухин, например.

Гапон. Что Черемухин?

Мартын. Напрасно. Ты его все-таки погубил.

Гапон. Вот тебе на, почему же это я его погубил?

Мартын. Ты же мне рассказывал. Взял с него клятву убить Петрова за его письмо в газетах

о тебе, дал ему револьвер, а он сам себя из этого револьвера и прикончил.

Гапон. Ну, так я тут при чем?

Мартын. А при том, что изверился он в тебя. Верил, как в бога, а ты оказался просто маленьким, мстительным человеком.

Гапон. Черемухин дурак. Туда ему, дураку и дорога. Он бы мне чего доброго и всех остальных намутил.

Мартын. Ну, а если твои рабочие вообще узнали бы и без него про твои сношения с Рачковским?

Гапон. Ничего они не знают. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для их же пользы.

Мартын. А если бы они узнали все, что я про тебя знаю. Что ты меня назвал Рачковскому членом боевой организации, другими словами, выдал меня, что ты взялся соблазнить меня в провокаторе, взялся узнать через меня и выдать боевую организацию, написал покаянное письмо Дурново.

Гапон. Никто этого не знает и узнать не может.

Мартын. А если бы я опубликовал все это.

Гапон. Ты, конечно, этого не сделаешь и говорить не стоит. А если бы и сделал, я напечатал бы в газетах, что ты сумасшедший, что я знать ничего не знаю. Ни доказательств, ни свидетелей у тебя нет. И мне, конечно, поверили бы.

Мартын (делает невольное движение). Да, да, конечно.

Гапон. Ну, да о чем толковать. Ты, вот что. Брось невинность разыгрывать и ломаться. Завтра у Кюба ты расскажи Рачковскому только о покушении на Дурново. Ну, назовешь там несколько человек и дело с концом. А дальше видно будет.

Мартын. Так, то так. Да ведь это называется послать товарищей на виселицу.

Гапон. Да ты не смущайся. Ведь я же тебе говорил, что Рачковский арестовывает только тогда, когда все созреет, как бутон. Значит, ты можешь предупредить товарищей. Скажешь, что узнал из верного источника, что не „ладно“ и что надо немедленно скрыться. И все. А мы тут не причем. Мы скажем Рачковскому, что люди заметили слежку и разбежались.

Мартын. Как же они скроются. Рачковский на следующий день после нашего свидания приставит к ним по десяти сыщиков. Всех их и повесят.

Гапон. Как-нибудь устроим им побег.

Мартын. Ну, убежит часть, а остальных повесят все-таки.

Гапон. Ну, ничего не поделаешь. Лес рубят— щепки летят. Посылал же ты, наконец, Каляева на смерть, отчего же ты не можешь послать на ту же смерть и других.

Мартын. Да, Да. Ладно.

Гапон. А самое главное — деньги верные, и то, что о нашем деле с тобой знают только трое: Рачковский, Дурново и царь.

Мартын. Ах, вот как. Лестно. А, кстати, ты знаешь, что на-днях царю представлялся Тихомиров.

Гапон. Разве?

Мартын. Да. И серебряную чернильницу получил с какой-то надписью. За полезную службу. И ты, пожалуй, серебряную чернильницу получишь.

Гапон (передернулся). Что ж. Можно будет в ломбард заложить. (Деланно смеется, вдруг останавливается, прислушивается. На лице ужас). Ты слышал?

Мартын. Что такое?

Гапон. Там, в коридоре скрипнула половица, там кто-то ходит. Какой ужас. Нас слушали.

Мартын. Кто слушал, ерунда.

Гапон. У тебя револьвер есть?

Мартын. Нет, а у тебя.

Гапон. Тоже нет. Всегда ношу, а сегодня, как нарочно, не взял. Пойдем посмотрим.

Мартын. Пойдем.

(Идут к двери. Войдя в коридор, Гапон наталкивается на слугу).

Гапон (в безумном ужасе). А. Он там

Мартын. Кто там? (выводит слугу).

Гапон (с криком бросается на слугу, хватая его за горло).

Мартын. Он все слышал, надо его убить. (слуге ласково, торопливо). Ты, милый, не бойся. Ничего не бойся. Мы тебя отпустим. Только скажи, кто тебя подослал.

Слуга (спокойно). Я вам расскажу, только пощадите мне жизнь.

Гапон. Не бойся, не бойся, голубчик. Ты только скажи, мы тебе ничего не сделаем. (Мартыну). Его надо убить. Сейчас же. Сейчас. А? Что? Что это, Мартын?

Мартын (распахивает дверь в смежную комнату). Идите, товарищи. (Гапону) Вот мои товарищи. (рабочие с криком, прыжками, бросаются на Гапона).

Гапон (на коленях). Мартын! Мартын!

2-й рабочий. Нет тебе здесь никакого Мартына.

Гапон. Братцы! братцы!

1-й рабочий. Мы тебе не братцы.

3-й рабочий. Рачковский тебе братец.

Мартын (слуге). Я не могу. Побудьте вы тут (закрыв лицо руками, уходит).

Гапон. Братцы, клянусь вам, что это я ради идеи.

2-й рабочий. Слышали мы твои идеи. Знаем. Вяжи его (Гапона вяжут).

Гапон. Товарищи, во имя прошлого. Простите меня. Во имя прошлого. Товарищи, пощадите. Вспомните, сколько у вас связано со мной. Харитонов, ведь ты вместе со мной шел 9-го января.

2-й рабочий. Вот потому-то ты и достоин казни. Ты нашу рабочую кровь продал охранке. Зато и смерть тебе (тащат его в смежную комнату).

Гапон (хрипя и задыхаясь). Братцы, миленькие. Постойте, дайте последнее слово.

(Дальнейшая сцена происходит за кулисами. Голоса).

2-й рабочий. Тяни его.

1-й рабочий. Дайте же ему последнее слово сказать, раз он просит. Может важное что.

3-й рабочий. Ну, ослобони петлю. Пусть говорит (пауза).

Гапон (хрипло). Братцы, пощадите. Родные мои. Простите меня. Во имя прошлого... Во имя... (хрипит).

(Рабочие затянули петлю).

(Входит Мартын. Через некоторое время из смежной комнаты угрюмые и сумрачные, один за другим выходят рабочие).

Мартын. Кончено (Все молчат. Пауза). Его надо обыскать.

(Рабочие молча идут в комнату, где висит труп Гапона. Через некоторое время возвращаются).

2-й рабочий. Вот бумажник и две записные книжки.

Мартын (слуге). Сделайте опись, что находится в бумажнике.

Слуга (рассматривая бумажник). Деньги (передает рабочему). Сосчитайте. Разные записки. Две визитных карточки. Конверт с надписью, деньги в нем, ключ и квитанция банка Леонского кредита. Все. Сколько денег?

1-й рабочий. 1.300 рублей.

Мартын. Хорошо. Теперь идите, товарищи. Помните, если будет разбираться дело, вы сами все слышали.

(Жмут руку Мартыну, слуге. Уходят).

Мартын (подходит к двери. Долго смотрит на висящий труп Гапона). Так висел Каляев. И он хотел, чтобы и другие также висели (пауза). А это все же хорошо, что его не расстреляли. Он готовил другим виселицу и сам ее заслужил. Расстрел был бы для него слишком почетен. Ведь друг он мне когда-то был. Боже мой. Боже мой. Какой ужас. Но так надо было (пауза). Скажи, он узнал Егора. Понял он, что рабочие его казнят, а не какие-нибудь политические враги.

Слуга. Я думаю, понял.

Мартын. Это хорошо. Мне не хотелось, чтобы он... (зашагал по комнате. Остановился). Ему надо прикрыть лицо. Обрежь веревку и прикрой (передает карманные складные ножницы). Этими самыми ножницами я ему обрезал волосы тогда, 9-го января. А теперь ими же (отвернулся. Плечи судорожно вздрагивают). Какой ужас! Какой ужас!

Слуга (твердо). Возьми себя в руки, Мартын. Он предатель, провокатор, он растратил деньги рабочих, он осквернил честь и память рабочих, павших девятого января. Он получил то, что заслужил.

Занавес.

VIII. Николай II и „кровавое воскресенье“.

1. Петиция рабочих к Николаю II.

„Государь. Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, *нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государ. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.*

„И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока нам не исполнят наших требований. Мы не многого просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, — нам отка-

зали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов в день до 8, устанавливать цену на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низщей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас и без оскорблений устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них".

„Государь. Нас здесь многие тысячи и все это люди только по виду, по наружности, в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью своих чи-

новников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа бросают в тюрьму, отправляют в ссылку, карают, как за преступление, — за доброе сердце и отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека, — значит, совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновнического правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ не имеем никакого голоса в расходовании и взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов".

„Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть, —

умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты-эксплоататоры рабочего класса и чиновники казнокрады и грабители русского народа“.

Вот, что стоит перед нами, государь, и это-то и собрало нас к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народа, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение, взгляни без гнева внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас так и для тебя государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли Русской от всех классов,

от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это — самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которых эти раны будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России.

Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1. Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2. Немедленное об'явление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3. Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4. Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5. Равенство перед законом всех, без исключения.

6. Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1. Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2. Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3. Исполнение заказов военного и морского министерства должно быть в России, а не за границей.

4. Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1. Отмена института фабричных инспекторов.

2. Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабо-

чего не может состояться иначе, как постановления этой комиссии.

3. Свобода потребительно-производственных союзов — немедленно.

4. 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5. Свобода борьбы с капиталом — немедленно.

6. Нормальная заработная плата — немедленно.

7. Непременное участие представителей рабочих в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих — немедленно.

— „Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства".

„Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое — запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена".

„А не повелишь, не отзовешься на наши мольбы, мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и не зачем". „У нас только два пути: или к свободе и

счастью, или в могилу“... „Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее“.

2. Из дневника Николая II.

8-го января. Суббота.

Морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня забастовали все фабрики и заводы. Из окрестностей вызваны войска для подавления забастовки. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 чел. Во главе союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский (Святополк-Мирский — мин. вн. дел) приезжал вечером с докладом о принятых мерах.

9-го января. Воскресенье.

Тяжелый день. В Петербурге произошли серьезные беспорядки, вследствие желания рабочих дойти до Зимнего Дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненных. Господи, как тяжело и больно. Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь.

10-го января. Понедельник.

Особых происшествий в городе не было. Были доклады. Завтракал дядя Алексей[1]). Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрой. Гулял. Пил чай у мамы[2]). Для об'единения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить ген.-м. Трепова генерал-губернатором столицы и губернии. Вечером у меня состоялось совещание по этому поводу с ним, Мирским и Госсе[3]). Обедал Дабич (дежурный).

В дальнейшем ни слова, ни намека на события 9-го января, как будто ничего и не было.

3. Царь прощает рабочих.

(Речь Николая II к „депутации от рабочих" [4].)

„Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от меня услышать слово мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли от того, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменникам и врагам нашей родины. Приглашая вас итти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт про-

---

[1]) б. в. кн. Алексей—тогдашний морской министр.

[2]) Вдовствующая императрица Мария Федоровна.

[3]) Дворцовый комендант.

[4]) „Депутация" эта была набрана из шпиков и охранников.

тив меня и моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук, работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачка и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливыми и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах — преступно.

В попечениях моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано, и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет бог вам на помощь".

19 января 1905 года.

IX. Материалы для инсценировок, декламации, агитсудов, живой газеты и пр.

I. Методические указания к постановке — „Главной улицы".

Сценическое оформление поэмы Д. Бедного мыслится в плане так называемого многоголосого чтения, при чем в зависимости от местных возможностей и условий — постановка может быть осуществлена в соответствующих декорациях, гримах и костюмах.

Отнюдь не сковывая творческую фантазию постановщика и художника, мы предлагаем наиболее легкий и удобный подход к оформлению, доступный любой сценической площадке.

Монтаж сценической площадки. Место действия — город, центр — „главная улица". Для более целесообразного распределения участвующих необходима „изломанная" площадка, т. е. станки — ступени, условно изображающие лестницу какого-нибудь большого городского здания Декорации — сукна, если есть — ширмы.

Освещение. Желательны световые комбинации, подчеркивающие сменой света — усилением и ослаблением отдельные моменты чтения. Пред-

почтительно освещение прожектором с цветными стеклами. В клубах, где есть кино-установка, можно пользоваться световым лучом кино-аппарата.

Участвующие располагаются группами на ступенях и станках, лицом к публике. Воображаемое действие на „главной улице" предполагается в зрительном зале. Все жесты и игра исполнителей при этом условии открыты и направлены прямо на аудиторию.

Грим и костюмы. Согласно предлагаемой партитуры — участвующие подразделены на правый и левый кадры. Слова „левый" и „правый", помимо чисто внешнего определения места расположения (мизансцены) двух основных групп участвующих — указывают также и на определенное внутреннее социальное содержание этих групп: левому кадру отведены слова, характеризующие его состав, сочувствующим революционному движению масс „на последний редут", правый кадр — весь в настроении „главной улицы" — контрреволиционен. Соответственно обе группы внешне различны. Левый кадр — рабочие (грим и костюмы); правый кадр — буржуа, военные, мещане, интеллигенты.

Состав участников. Партитура рассчитана на состав исполнителей не менее 35 человек, включая в это число „солистов", т.-е. товарищей, обладающих наиболее гибкими дикционными и декламационными данными. Увеличение

количества участников только усилит мощность хорового исполнения. Весь состав, за исключением 5 солистов (мы исходим из цифры 35 человек) — как было указано выше, делится на две основных группы (кадра) по 15 человек в каждой. Каждый кадр, в свою очередь, подразделяется на небольшие группы по 3—4 человека на группу. „Солисты“ — 5 человек примыкают к левому кадру.

Отдельные голоса „правых“ — числом 10 распределяются между исполнителями правого кадра.

Музыкальные тембры. При распределении групп и назначении отдельных фраз поэмы между участниками необходимо принять во внимание, так называемые, тембры голосов. Надо выделить и об'единить группы однородные по тембру голоса: низкие к низким (басы, альты), высокие к высоким (тенора, сопрано). Этим достигается музыкальность исполнения.

Работа над постановкой укладывается в два периода: 1) изучение текста и репетиции чтения без движений и 2) на сцене с движениями при полном знании текста исполнителями.

Разбивка на „куски“. Прежде, чем приступить к репетициям чтения, следует ознакомить исполнителей с основными частями и „кусками“ текста, указать места переломов настроения, которые всегда характеризуются внешне: паузами или изменением интонации, или движением — переходом в новую мизансцену, или тем и другим вместе.

В предлагаемой поэме — две основных части:

Первая от первой строчки по 107 включительно: революционное выступление „нового хозяина“ терпит неудачи.

В ней куски: а) вступление „идут“ (1—7), б) характеристика паники „на главной улице“ (8—41 строчка), в) мощное движение рабочей массы (42—56), г) властное требование массы — „это мое“ (57—70), д) результат — кровавый разгром рабочих войсками и человеконенавистническое улюлюкание правых (70—89), е) после разгрома — впечатление и разговор правых, злорадство, обывательщина (90—107).

Между кусками „д“ и „е“ (моменты разгрома) необходима большая, жуткая пауза.

Вторая часть — 108 — до конца начинается также после большой паузы: временная неудача не остановит революционного порыва, и победа близка.

Революционное движение подавлено. На „главной улице“ снова сверкают „витрины зеркальные“. Кусок „а“ (108—119) — описание очищенной от „хама“ улицы — читается солистами с подавленной злобой, сарказмом. Новый кусок „б“ (120—124) — резкая смена настроения: страх правых, надежда левых, „в“ (125—133) — как раскачивание и под'ем тяжестей артелью — на словах „сильно, дружно, в ход“ — все выше, громче, радостнее. Стих 133 — торжественный, мощный аккорд.

Кусок „г“ (134—150) — быстро промежуточно по адресу соглашателей на фоне продолжающегося артельного раскачивания тяжести.

Строка 150 — решительный момент. Кусок „д“ (151—154) — победа, кусок „е“ — (155—167) — песнь победы: „стойте на страже“, кусок „д“ — заключительный — „идут“.

Мизансцены. Только после основательного изучения текста и срепетованности можно перенести работу на сценическую площадку — приступить к наметке движений. Самая инсценировка в данном случае, в сущности сводится к некоторым перегруппировкам действующих лиц, причем в очень скромных размерах, дабы мельканием исполнителей не заслонить весьма ценного содержания слов. Жест и движения служат здесь только подчеркиванием текста. В общем и целом, построение групп остается по преимуществу статистическим. Удача зависит всецело от чуткости художественного такта руководителя.

Если вообразить себе группу исполнителей, наблюдающей за событиями, которые происходят на „главной улице“, — движения и жесты отдельных исполнителей и групп станут вполне ясны.

И правый и левый кадры, расположенные на ступенях, смотрят вперед, делятся впечатлениями, показывают друг другу на замеченные ими явления или события.

1—3 строчки — в группе правых — страх — жмутся друг к дружке.

В группе левых (4—7) — взволнованное ожидание. Показать рукой на „дельца“ может один

второй солист. Остальные следят только взглядами в разных направлениях.

Строка 22-я (1 группа правых — 3—4 человека) сбежали со ступеней справа налево, крикнули „скорей“ — остановились, не выделяясь от общей массы исполнителей.

Строка 24 — 3-я группа правых сбежала с другой стороны слева направо.

Строка 32 — (4-я группа правых) — небольшое движение со ступенек вниз — посредине.

35 — поворот направо — в испуге. Все участвующие поворот туда же. Пауза.

36 — быстрый переход на первоначальное место первой группы правых.

37 — быстрый переход наискось вниз и налево — к подножию левого кадра.

38 — на месте — в страшном испуге — внимание и слух сосредоточены направо, в направлении воображаемого движения рабочих масс.

39 — быстрый переход к третьей группе.

40 — тоже к третьей группе. Одновременно — первая и вторая группы левых переходят на освободившееся места правого кадра.

41 — одновременно — правый кадр занимает места левого, левый — переходит на места правого.

Обе группы застыли в ожидании: правый кадр, в страхе прижимаясь друг к другу, левый — взволнованно — с надеждой и верой в победу.

42—53 — солисты читают почти без движения в разнообразных позах напряженно всматривающихся вперед людей.

55 — три солиста при слове „новый" — оборачиваются к правому кадру, указывают на движение массы. Два других — поднимают правые руки в виде приветствия.

56 — весь левый кадр, кроме солистов, которые остаются в середине, одновременно — движение вперед и вниз по ступеням, руки вверх, как приветствие. Радостно, в восторге. Правый кадр одновременно акцентирует и усиливает позы страха, растерянно шепчет строки: 58 и 59.

62 — весь левый кадр — поворот к правому — шаг в его сторону. Правый жмется от него.

68 — весь левый кадр — второй шаг в сторону правого — на ступени. Правый — движение вниз.

70 — левый кадр на ступенях вверху. Правый забился в угол внизу.

71 — Тревожно. Наблюдение за улицей.

72 — 74 — поворот на улицу — тихо — в тревоге. Правый поднимается, оправляется от страха — надеется. Все участники напряженно следят за улицей. Тревожная пауза.

75—81 — быстро, в бессильной злобе, в ненависти.

Лучше, если отдельные фразы будут распределены между отдельными солистами.

Движение левого кадра вниз по ступенькам. При строке 80 — движение влево — на место правой.

Одновременно правый кадр вверх по ступеням и вправо — на место левых.

Солисты посредине.

82 — кричит в запале, злорадно. Слова должны следовать без всякого замедления после стиха 81.

83—89 — один за другим, выдвигаясь вперед, обегая по ступеням, следят за работой казаков и полиции справа налево.

После 89 — пауза. Все застыли в позах, в которых застал их крик: „так их, вот так".

Левые частью смотрят на улицу, частью — отвернулись, закрыли лица руками.

Солисты наверху смотрят в ужасе.

90 — 107 — после паузы, обывательский разговор группами. Правые постепенно собираются на правой стороне. Торжествуют. Успокоились.

Левые внизу. Кое-кто присел на ступени. Подавлены, угрюмы.

Солисты — в середине.

Большая пауза. Все без движения.

108—119 — без движения. В прежних позах, установленных после строки 107.

120 — в группе правых движение, смущение. Прислушиваются. Снова страх.

Левые ободряются. Поднимаются.

123 — общий поворот и движение в сторону улицы. Радостно надеющиеся у левых, испуганно тревожный — у правых.

124 — левый кадр вбегает наверх. Смотрит. Правый испуганно теснится вниз.

133 — левый кадр — мощно, победно, радостно, правые руки вверх.

Правый — тихо, подавленно, сползает вниз к подножью левого.

Построение: левые — наверху с солистами посредине, правые внизу, у их ног.

150 — левый кадр — в центре солисты — дружно сбегают вниз мимо правых на авансцену.

В это время правые снимают грим и костюмы.

151—158 — левые на авансцене. Солисты, после своих слов, бегут наверх.

164—167 — солисты наверху. Весь хор поворачивается к ним лицом. Правые, оставшись в рабочих костюмах, вливаются в общий состав.

168 — все занимают места на ступенях лицом к публике.

175 — начинают медленно, ритмически, двигаться к авансцене.

179 — все — на авансцене.

Необходимо помнить: лишнее движение, нелепая поза, хотя бы одного из исполнителей, могут испортить впечатление стройности и организованности целого. В этом отношении работа над инсценировкой требует большой выдержки и терпения как у исполнителей, так и у руководителя.

Освещение рефлектором или прожектором, выхватывая из общей группы моменты действа, сослужат в этом смысле неоценимую услугу постановщику. Цветные стекла создадут соответствующее настроение, и синий или зеленый —

мрачное, красный — тревожное, белый с красным — торжественное.

Музыкальное сопровождение. Инсценировка чрезвычайно выиграет при сопровождении ее музыкальным аккомпанементом. Конечно, в условиях клубной работы нельзя рассчитывать на оркестр. Тем не менее, музыкальное сопровождение может быть выполнено пианистом-импровизатором на рояле. Музыка должна, главным образом, иллюстрировать действие, происходящее на воображаемой „главной улице“: движение масс, разгром, ликование буржуа и обывательщины, новое движение масс — сперва далекое, потом все более грозное и приближающееся, наконец — победа революции и ее торжественный гимн — все богатейшие темы для иллюстратора. Особенно желательна музыка в паузах — под ее влиянием воображение слушателя невольно будет создавать все то, чего мы в инсценировке зрительно дать ему не можем.

Ю. Тарич.

2. „Главная улица“ — Д. Бедного [1]).

Правый кадр.

1. Движутся, движутся, движутся, движутся,
2. В цепи железные звеньями нижутся,
3. Поступью гулкою грозно идут.

---

[1]) Инсценировано М.С.Н. для клуба Я. М. Свердлова (в Кремле).

Левый кадр.

4. Грозно идут...
5. Идут...
6. Идут...
7. На последний, на главный редут.

1-й солист.

8. Главная улица в панике бешеной.

2-й солист.

9. Бледный, трясущийся, словно помешанный,
10. Страхом смертельным внезапно ужаленный,
11. Мечется клубный делец накрахмаленный.

3-й солист.

12. Плут, ростовщик и банкир продувной.

4-й солист.

13. Мануфактурщик и модный портной.

5-й солист.

14. Туз, меховщик, ювелир патентованный.

Все пять.

15. Мечется каждый, тревожно взволнованный,
16. Гулом и криками издали слышными.

1-й солист.

17. У помещений с витринами пышными
18. Средь облигаций меняльной конторы.

2-й солист.

19. Русский и немец, француз и еврей,
20. Пробуют петли, сигналы, запоры...

Правый кадр.

21. Эй, опускайте железные шторы...

1-я группа правых.

22. Скорей...

2-я группа правых.

23. Скорей...

3-я группа правых.

24. Скорей...

Правый кадр.

25. Скорей...

1-я группа правых.

26. Вот их проучат проклятых зверей.

2-я группа правых.

27. Чтоб бунтовать зареклися навеки.

2-й солист.

28. С грохотом падают тяжкие веки
29. Окон зеркальных, дубовых дверей.

3-я группа правых.

30. Скорей...

1-я группа правых.

31. Скорей.

4-я группа правых.

32. Что же топчетесь, будто калеки.

5-я группа правых.

33. Или измена таится и тут...

1-я группа правых.

34. Духом одним с этой сволочью дышите.

2-я группа правых.

35. Слышите... (пауза, слушают).

3-я группа правых.

36. Слышите... (пауза).

4-я и 5-я группы правых.

37. Слышите.. (пауза).

Правый кадр.

38. Слышите...

1 и 2-й группы правых.

39. Вот они... Видите... Вот они тут.

3-я группа правых.

40. Идут...

Правый и левый кадр.

41. Идут...

2-й солист.

42. С силами, зревшими в нем, необ'ятными,
43. С волей единой и с сердцем одним.

1-й солист.

44. С общею болью, с кровавыми пятнами
45. Алых знамен, колыхавших над ним.

5 солистов.

46. Из закоулков,
47. Из переулков.
48. Темных, размытых, разрытых, извилистых.

Левый кадр.

49. Гневно взметнул свои тысячи жилистых,
50. Черных, корявых, мозолистых рук.

5 солистов.

51. Тысячелетьями связанный, скованный.

Левый кадр.

52. Бурным порывом прорвав заколдованный,
53. Каторжный круг.

5 солистов.

54. Из закоптелых фабричных окраин
55. Вышел на улицу новый хозяин.

Левый кадр.

56. Вышел —

5 солистов.

57. — и все изменилося вдруг.

Первый кадр.

58. Дрогнула, замерла улица главная,
59. В смутно-тревожное впав забытье, —

Солисты.

60. Воля стальная рабоче-державная
61. С властной угрозой сковала ее.

Весь хор.

62. Это мое...

Солисты.

63. Улица эта, — дворцы и каналы,
64. Банки, пассажи, витрины, подвалы,
65. Золото, ткани и снедь и питье, —

Весь хор.

66. Это мое...

Солисты.

67. Библиотеки, театры, музеи,
68. Скверы, бульвары, сады и аллеи,
69. Мрамор и бронзовых статуй литье, —

Весь хор.

70. Это мое...

5 солистов.

71. Боем ответила улица главная.

Левый кадр.

72. Стал богатырь. Загражден ему путь.
73. Хищных стервятников стая бесславная
74. Когти вонзила в рабочую грудь.

5 солистов.

75. Вмиг ощетинясь штыками и пиками,
76. Главная улица — страх позабыт. —
77. Вся огласилася воплями дикими,
78. Гиком и руганью, стонами, криками,
79. Фырканьем конским и дробью копыт.
80. Прыснули злобные, пьяные шайки
81. Из полицейских, жандармских засад.

1-й правый.

82. Р-рысью... в атаку...

2-й правый.

83. Бери их в нагайки.

3-й правый.

84. Бей их прикладом.

4-й правый.

85. Гони их назад.

1-я группа правых.

86. Шашкою, шашкой, которые с флагами.

2-я группа правых.

87. Чтобы вперед не сбирались ватагами.

3-я группа правых.

88. Знали бы, псы, свой станок и верстак.

Правый кадр.

89. Так их вот, так...

5-й правый.

90. В мире подобного нет безобразия,

6-й правый.

91. Темная масса.

7-й правый.

92. Татарщина.

8-й правый.

93. Азия.

9-й правый.

94. Хамы.

10-й правый.

95. Мерзавцы.

5-й правый.

96. Скоты.

6-й правый.

97. Подлецы.

7-й правый.

98. Вышла на Главную рожа суконная.

8-й правый.

99. Всыпала им жандармерия конная.

9-й правый.

100. Славно работали тоже донцы.

10-й правый.

101. Видели лозунги.

1-й правый.

102. Да, ядовитые.

2-й правый.

103. Чернь отступала, заметьте, грозя.

3-й правый.

104. Правда-ль, что есть средь рабочих убитые?

4-й правый.

105. Жертвы... Без жертв, ведь голубчик, нельзя.

5-й правый.

106. Впрок не пойдут им уроки печальные.

6-й правый.

107. Что же, дорвутся до горшей беды.

1-й солист.

108. Вновь засверкали витрины зеркальные.
109. Всюду кровавые смыты следы.

2-й солист.

110. Улица, злого полна ликования,
111. Залита светом вечерних огней.

3-й солист.

112. Чистая публика всякого звания
113. Шаркает, чавкает снова на ней.

4-й солист.

114. Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
115. Меряя срок своих чавканий вечностью.

5-й солист.

116. Веруя твердо, что с рабской судьбой
117. Стерпится, свыкнется хам огорошенный.

Пять солистов.

118. Что не вернется разбитый, отброшенный,
119. Глухо рокочущий где-то прибой.

Первый кадр.

120. Снова...
121. Снова...
122. Бьет роковая волна...

Пять солистов.

123. Гнется гнилая основа...

Левый кадр.

124. Падает грузно стена.

Левый кадр и солисты.

125. На...
126. На...
127. На...
128. Сильно...
129. Раз-два...
130. Дружно...
131. Раз-два...
132. В ход...

Весь хор.

133. Грянул семнадцатый год.

1-я группа левых.

134. Кто там...
135. Кто там...
136. Хнычет испуганно стой...

2-я группа левых.

137. Кто по лихим живоглотам
138. Выстрел дает холостой.

3-я группа левых.

139. Кто там виляет умильно,
140. К чорту господских пролаз.

Левый кадр.

141. Раз-два...
142. Сильно...
143. Еще...
144. Раз...

1-я группа левых.

145. Нам подхалимов не нужно,
146. Власть весь рабочий народ.

Левый кадр.

147. Раз-два...
148. Дружно...
149. Раз-два...
150. В ход...

2-я группа левых.

151. Кто нас отсюдова тронет?
152. Силы не сыщется той.

Весь хор.

153. Главная улица стонет
154. Под пролетарской пятой.

Солисты и левый кадр.

155. Пусть наша улица будет задворками
156. Перед проспектом иным, мировым.

Пять солистов.

157. Разве не держится он лишь подпорками
158. И обольщением, уже не живым.

1-я группа левых.

159. Вы, наступая на нашу, на Главную,
160. Разве потом не пустилися вспять.

2-я группа левых.

161. Но, отступая пред силой неравною,
162. Мы наступали.

Левый кадр.

163. Опять и опять.

Пять солистов.

164. Стойте-ж на страже добытого муками,
165. Зорко следите за стрелкой часов,
166. Даль сотрясается бодрыми звуками,
167. Громом живых, боевых голосов.

1-я и 2-я группы левых.

168. Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
169. Вслушайтесь в дальний, рокочущий шум.

3-я и 4-я группы левых.

170. Это резервы идут закаленные.

Левый кадр и солисты.

171. Трум-ту-ту-тум.
172. Трум-ту-тум.

Весь хор.

173. Движутся, движутся, движутся, движутся,
174. В цепи железными звеньями нижутся,
175. Поступью гулкою грозно идут,
176. Грозно идут,
177. Идут,
178. Идут
179. На последний всемирный редут...

3. „Зубатовские союзы“.

— А зачем этот союз?—спросил он заинтересованный.

— Та кажу-ж, щоб наша кровь меньше лилась,—с чувством сказал Карпо.

Это было красноречиво, но не столь понятно, и поэтому Даров снова обратился к хохлу с вопросом:

— А что этот союз делает?

— Хозяевам, щоб им ни дна, ни покрышки, стачки об'являе.

Карпо об'яснил, что такое стачки. Дарову самому приходила мысль о стачке, но он считал ее бесцельной. Он и теперь был того мнения.

— Ведь на место одного станет другой,—хозяину от этого что; по-моему, самое лучшее бить их, проклятых,—сказал он.

— Ну, за битья и нас побьют,—проговорил Карпо,—у богатых на то есть казаки и солдаты.

— Да тюрьмы,—добавил Даров,—ведь начальство всегда на стороне хозяев.

— Було колысь, та не тэперь,—с удовольствием сказал Карпо,—от самого царя приказ для начальства получився, ще в тим году: буть им на нашей сторони и не давать нас в обиду. И в виду такого дела, один енерал устроив для работников суюз и сказав: ось вам суюз, тильки не бунтуйте против короны, тэперь мы вси за вас, щоб вам було хорошо и нам гарно.

Даров плохо верил в силу союза, однако захотел побывать на его собрании и ближе с ним познакомиться. Хохол обрадовался.

— Добре, добре, хлопец, завтре я тэбэ сведу, побачишь ты там свит,—говорил он ласково...

...Председатель взял вступительное слово:

— Православные русские люди, Россия проснулась,—заявил он торжественно. Пробудился от векового сна наш великий народ, почувствовал, что дальше так жить нельзя. Довольно ему жить в грязи, невежестве, темноте. На широкую, светлую дорогу вышел он, на дорогу, по которой давно уже идут соседние народы к светлой цели своих устремлений.

Все рабочие, широко раскрыв глаза, не дыша, слушали откровения популярного деятеля лицемеровского союза, названного так по имени организатора союза, генерала Лицемерова.

Председатель говорил:

— И как только народ открыл глаза и захотел встать на ноги, к нему на помощь поспешил начальник, священник и образованный человек; и всякий из них, по мере своих сил и знаний, старался помочь и служить народу.

— Но не дремали враги народа,—размахивая руками, возвышал голос председатель,—не нравилось им просвещение народа (ведь рыбка ловится в мутной воде), и вот начали они возмущать

еще темный народ против его учителей, против исконного его начальника, духовенства и даже против самого его императорского величества, самодержца всея России...

Рабочие беспокойно задвигались на своих местах, а Даров удвоил внимание и напряг слух.

— Эти злодеи называются социал-демократами...

Демократы,—в ужасе подумал Даров,—это те, которые антихристскую печать на теле имеют.

А председатель, страшно поблескивая глазными стеклами, вопил:

— Этим злодеям нужна революция, чтобы всю Россию затопить кровью. Чтобы казнить царя, распустить армию и править миром.

Наступают последние дни,—с жутью думал Даров,- скоро появится антихрист и будет творить чудеса.

— Они созовут парламент и будут издеваться над церковью, над верой и над обычаями русского народа.

— Это ложь,—перебил оратора ясный голос.

Все головы повернулись назад.

— Это ложь,—повторил синеглазый юноша, почти мальчик, под самой иконой вскочивший на парту.

Страшно побледневший, председатель резко бросил:

— Что ложь?

— Ложь ваша речь,—ответил мужественно юноша,—вы под своими вымыслами стараетесь

похоронить правду. Вы клевещите на тех людей, кто искренно желает народу добра.

— Это — демократ, это враг царя, хватайте, держите его,— со злобой, с пеной у рта вдруг завыл председатель, кидаясь вперед.

Рабочие, в помрачении рассудка, повскакали с своих парт, вытащили из угла мальчика и стали бить. Дамы попадали в обморок...

Шум поднялся невообразимый.

Толстый, с пушистыми усами пристав отдавал распоряжение:

— Обыскать, оружие отобрать, арестовать.

Выводимый из зала, мальчик, с окровавленной головой, несмотря на удары, со всех сторон сыпавшиеся на него, собрав силы, крикнул:

— Да здравствует социал-демократия, да здравствует рабочий класс...

Его увели, но в зале еще стоял невозможный шум.

— Слово мне, слово мне,— настойчиво кричал кто-то в толпе.

— Слово, дайте слово,— не унимался кто-то в рядах.

— Братцы, успокойтесь и сядьте на свои места, тихим голосом попросил секретарь.

Порядок постепенно восстановился.

— Шариков, даю вам слово.

Поднялся рабочий с эспаньолкой.

— Говорите, Шариков.

— Господа, наши начальники и наставники и вы, рабочее сословие, к которому я принадлежу— скороговоркой засыпал Шариков,— все мы купно, воедино, должны бороться против этих окаянных демократов, которые никому покою не дают.

Шариков говорил, а Даров думал:

— Так вот какие демократы, совсем обыкновенные люди.

Ужасный лик демократа померк, а на месте его Даров видел синеглазое лицо мальчика, крикнувшего: „да здравствует рабочий класс", и ему стало жаль избитого юношу и стыдно за своих, которые как звери бросились на одного.

— Эти демократы,— сыпал Шариков,— тайно печатают прокламации, где говорят: бога нету, царя не надо, а духовенство, попы там косматые— грабители есть. Потом они эти листочки по дворам подметывают, всем рабочим в карманы запихивают. Конечно, рабочий тут ни сном, ни духом, а, однако, начальство его в тюрьму сажает и в далекую Сибирь усылает. Нам ихние листки нужно рвать, они нам без пользы, нам нужно делать свое рабочее дело и в политику не вмешиваться. Потому, паны дерутся, а у нас бока болят.

— Правильно,— подтвердили рабочие.

Господа улыбнулись нескладной фразе оратора.

Потом Шариков начал говорить о содержании петиции, которую следует послать министру внутренних дел, но тут секретарь перебил его.

— Обо всем этом правление союза позаботится. Оно выработает на-днях программу экономического и правового улучшения жизни рабочих и пошлет ее в министерство.

— Ну, если так, так я кончил, — заявил Шариков садясь.

После пошли жалобы рабочих на плохие расценки, на скверные санитарные и гигиенические условия в работе, на грубость администрации и т. д.

(П. Бессалько. „Бессознательным путем").

4. „Сильнее слов".

Наждачное отделение в заводе было отгорожено от мастерской стеклянными стенами. Сухая наждачная и стальная пыль садилась на окна и сделала их матовыми. Ничего не было видно, что делалось там. Пожары искр быстро освещали стеклянную клетку и по окнам пробегали тени не то людей, не то призраков. Непрерывный гул несся из клетки.

Работу на сухом наждаке выдерживали немногие. Уже через полгода люди казались полумертвыми. Они становились бледны, неразговорчивы. Человеческого и живого в них оставалась одна только злость. Самое большое через год уже все покидали работу. Собирали инструменты, бросали залпами в стеклянную будку проклятия, плевали и требовали расчета.

Удержался только один. Это старик. Кости его были геркулесовские, рост необычайно высокий, грудь широчайшая.

Когда-то он был лучшим борцом в городе, красавцем, казался даже баловнем жизни.

Теперь у него остались те же геркулесовские кости, но мускулы высохли, грудь вдавилась. Голова его начала седеть, но пыль с'ела седину: волосы стали серы, как пепел.

Начальник любил пробегать по мастерским перед гудком; он требовал, чтобы кончали работать минута в минуту, ровно в двенадцать.

Он как-то забежал в наждачную клетку.

Отворил дверь и... окаменел.

Перед ним привидение: высокий силач, весь в сером: серая одежда, серая голова, серое лицо, руки. На глахах черные очки.

Человек, привыкший к заводскому шуму, может сквозь железный грохот расслышать легкий шелест двери: старик остановил работу, снял очки. Начальник увидел у него слезы.

— Вы плачете?

Старик помотал головой и показал на пыль.

— Ах, она едкая...— проговорил начальник.

— Вы давно работаете?

Старик уже несколько лет ни с кем не говорил: работа приучила его молчать, сухая грудь отвечала кашлем на каждое слово старика.

— Тридцать пять...— процедил он.

Его голос показался начальнику страшен.

У него сразу мелькнула мысль: это один из тех, которые держатся на заводе для агитации. Они вербуют людей в союз, в партии, они говорят на собраниях. Такие люди могут потрясать миллионы своим загробным голосом.

— Скажите, вы в пятом году не выступали на митингах?

— Нет...—оборвал старик.

— И вы не были депутатом?

— Голосу нет—прохрипел ответ.

Начальник терялся в догадках.

Закашлявшийся старик что-то произносил, но начальник не понимал.

— Вам бы надо на покой...—подходил к нему начальник.—Я буду хлопотать вам о пожизненной пенсии от завода.

Старик закачал головой.

Попытался говорить, но не мог.

Наконец, он преодолел тиски, сжимавшие ему грудь, и твердо сказал.

— Я делегат.

— От кого?..—испуганно и удивленно спросил начальник.

— От тех..—показал старик на землю.

— Это от кого же? От каких?

— Которые ушли...

— Куда?

— Туда...—показал старик вниз.—Под станки.

— В могилу?

Трансмиссии вздрогнули, сбавили тон.

Заревел гудок.

Старик сбросил куртку.

Завод стал. Послышался крик, говор и смех выходящей толпы.

Старик, не откланявшись с начальником, быстро вышел из клетки.

Тихо шел за ним начальник.

Старик прорезал толпу, он был выше ее на целую голову.

Сразу крик и смех отлетели.

Завод онемел. И по его сводам, как в могильном склепе несся, бился кашель старика.

Он так гулко и глухо бухал, что кашель казался самым совершенным словом, словом тех, что ушли, что в могилах.

И на мгновенье казалось, что завод остановился не по гудку, а колеса застыли от этого кашля.

Один, единый общий вздох в толпе. Вздохнул великан завод, и наждачная пыль, проникшая из клетки, тихо садится на голову толпы. Толпа движется, затихшая сразу, как будто потерявшая молодость. Шаги ее, замедленные и нервные, говорят о том, что в жизни иногда самый обыкновенный выход превращается в процессию.

Старик на этот раз закашлялся так, как никогда.

Он стал задыхаться и, окруженный толпою, упал.

И умер без агонии.

* *
*

Старика хоронили через два дня.

Стали все заводы нашего „Черного предместья“. Не работали и на промыслах.

Тихо, только для поддержания огня, горели кочегарки. Заводские трубы ровно дымились и стояли на фоне неба, как потушенные свечи в храме капитала. Вышки немые и черные, казались траурными великанами, склонившими головы.

Рабочая толпа шла без песен и молитв, как приговоренная к молчанию.

Ни слов, ни речей не было сказано.

Не было ни одного венка; все знали, что наждачная пыль, которую унес в своей груди старик, что эта пыль завтра пройдет сквозь могилу, загубит венок, и сердце толпы еще раз будет поругано.

На могилу положили тот самый наждачный камень, на котором работал покойный: это была его последняя воля.

На камне алмазом вырезали надпись:

„Агитатору Черного предместья, не знавшему слов“.

(Алексей Гастев. „Поэзия рабочего удара“).

5. „Памяти павших“.

Время вынесло нас из тьмы.
Мы наполнены солнечной силой.
Только знаем, что выросли мы
На отцовских и братских могилах.

Что в застенках мучительных лет
Ныли болью не наши плечи...
Потому — комсомольский билет
Нами цветом кровавым расцвечен.

Потому не померкло ничуть
Боевое наследное знамя,
Оттенившее тяжкий путь,
Что оставили нам вы на память.

Что оставили нам, как пример,
Как пример непреклонности твердой.
Кровь рабочих бесчисленных жертв —
Наша кровь, наша сила и гордость...

Ваши мысли в борьбе до конца
Разливаем мы в мире лавой.
А о вас закрепим в сердцах
И в веках
Бессмертную славу.

Вы свинцовым дождем сметены...
Но над вашей заросшей могилой
Мы взросли: молоды и сильны
Непокорною, солнечной силой...

Александр Жаров.

6. Сказ о 9-м января.

В старину был обычай такой:
Коль беда засосет не по сердцу,
Темный люд посылал ходоков
С челобитной к царю самодержцу.

Ходоки, как на праздник домой,
Ко дворцу пробирались с „докладом“...
Не один поплатился тюрьмой,
Не один поплатился прикладом.
А народ все надеялся, ждал:
„Царь хорош, мол, — плохи лишь министры“...
За бедой приходила беда,
Угасали надежды, как искры.

*
* *

И вот:
Девятого января
С портретом царя и гимном
Народ [illegible]
Направился к Зимнему,
Чтоб увидеть царя.
Впереди шел „отец“ Гапон —
Обманщик крестьян, рабочим
Тяжелую встречу пророчил
Церковный заутренний звон.
С иконами шли, с мольбой,
С мольбой о насущном хлебе...
А царь Николай на молебен
Ответил ружейной пальбой.

*
* *

Было 1.216 убитых,
Молодых и старых,
Лужи крови повыпили плиты,
Побурели тротуары.
День и ночь убирали трупы

Заполняя больницы,
И рыскала группами
По столице полиция.
Только в рабочих кварталах
Придавленных горем,
Не унималось — нарастало
Море . . . .
. . . .

С тех пор мы знали боль не раз,
Не смолк и гул орудий,
Но этот день, кровавый сказ,
Мы долго помнить будем.

Макар Пасынок

7. 9-е Января.

— Не надо нам красных флагов, — кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

— Мы к отцу идем.

— Верим ему.

— Не даст в обиду.

— Красный цвет — цвет нашей крови, товарищи, — упрямо звучал над толпой одинокий, звонкий голос.

— Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа...

— Отец Гапон — с крестом, а он с флагом.

— Молодой еще, но тоже, чтобы командовать...

— Мы желаем мирно.

Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и оттуда раздраженно и тревожно кричали:

— Гони его, с флагом...

Когда толпа вылилась из улицы на берег реки к Троицкому мосту и увидела перед собою длинную, ломаную линию солдат, преграждающую ей путь на мост, — людей не остановила эта тонкая серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего; они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга.

На многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону; все старались показать друг другу, что о солдатах они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам...

— Н-да-да...

— А надо стоять.

— Солдаты — для порядка.

— Спокойно, ребята... Смирно...

— Иди, иди...

— Назад, — донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулось — позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей, толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышло вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали:

— Мы — к государю нашему.

— Вполне спокойно...

— Назад. Я прикажу стрелять...

Худой, высокий человек, с голодным лицом и черными глазами, вдруг закричал:

— Стрелять? Не смеешь.

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что? Говорил я, не пустят они...

— Кто? Солдаты?

— Не солдаты, а там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... Ага! Я же говорил...

— Это еще не известно...

— Узнают, зачем идем — пустят.

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все, — мужчины, женщины, подростки — тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба? К чему она? — солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде. —

Просто они не пускают на мост... дескать, — идите прямо по льду.

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса как бы замерли. Масса продолжала подвигаться вперед.

— Холостыми...— не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел...

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный.

Люди падали по-двое, по-трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то прихрамывая, ползли по снегу, а всюду на снегу обильно вспыхивали яркие красные пятна. Они расползались, дымились, притягивая к себе глаза.

Вокруг жилища царя стояли плотной неразрывной цепью солдаты, под окнами дворца на площади расположилась конница. Запах сена, навоза, лошадиного пота окружал дворец, лязг сабель, звон шпор, команда, топот колебался под окнами...

— Расходись, господа, — вполголоса говорил фельдфебель...

Он ходил вдоль фронта, отодвигая людей от солдат руками и плечом, стараясь не видеть человеческих лиц.

— Почему вы нас не пускаете? — спрашивали его.

— Куда?

К царю!

Фельдфебель на минуту остановился и с чувством, похожим на уныние, воскликнул:

— Да я же говорю — нет его.

Царя нет?

— Ну, да. Сказано вам нет и — ступайте.

— Совсем нет царя? — настойчиво допрашивал иронический голос. Фельдфебель снова остановился, — поднял руку.

— За такие слова... берегись.

И другим тоном об'яснил:

— В городе нет его.

Из толпы ответили:

— Нигде его нет.

— Кончился.

— Расстреляли вы его, дьяволы.

— Вы думали — народ убиваете?

— Народ не убьешь... Его на все хватит...

— Вы царя убили... Понимаете?

— Отойди, господа. Не разговаривай.

— Нет — врешь... Я поговорю...

— Отойди... Офицер услышит.

Офицер, — высокий, белобрысый немец с большими усами, — медленно шел вдоль фронта и, на правую руку перчатку, сквозь зубы говорил:

— Ра-азойдись... Па-шел прочь... Что? Па-агавари... Я тебе па-гаварю...

Лицо у него было толстое, красное, глаза круглые, светлые, но без блеска. Он шел не торопясь,

твердо ударяя ногами в землю. Остановясь на фланге, офицер крикнул:

— Смирно-о.

Солдаты всколыхнулись и замерли.

— Приказываю разойтись,—сказал офицер и не торопясь вынул из ножон шашку.

Разойтись было физически невозможно,—толпа густо залила всю маленькую площадь, а в тыл ей все шел и шел народ.

Вдруг раздалось тревожное, зловещее пение рожка.

Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной, строжкой позе, вытянув к толпе штыки.

Чей-то голос громко, с ужасом и отвращением крикнул:

— Что вы делаете? Убийцы!

Штыки сильно и неровно дрогнули: испуганно сорвался залп, люди покачнулись назад, отброшенные звуком, ударами пуль, падением мертвых и раненых. Некоторые стали молча прыгать через решетку сада.

Брызнул еще залп... И еще.

Мальчик, застигнутый пулею на решетке сада, вдруг перегнулся и повис на ней кверху ногами. Высокая, стройная женщина с пышными волосами тихо ахнула и мягко упала около него.

— Проклятые! — крикнул кто-то.

Вдруг по улице пробежал внезапный трепет оживления.

— Где, где?

— На острове...

— Вы слышите?

— Да неужели?

— Честное слово. Оружейный магазин захватили...

— Спилили телеграфные столбы, построили баррикаду...

— Н-да... вот как.

— Много их?

— Много...

— Эх... хоть отплатили бы за кровь невинную...

Над толпой выросла фигура человека, и в сумраке звучно загудел призыв:

— Кто хочет драться за свободу? За народ, за право человека на жизнь и труд? Кто хочет умереть в бою за будущее — иди на помощь.

Одни шли к нему и среди улицы образовалось плотное ядро густо сомкнутых тел, другие спешно отходили куда-то прочь...

(М. Горький. „9-е января“).

8. На десятой версте от столицы.

...На десятой версте от столицы
Невысокий насыпан курган...
Его любят зловещие птицы
И болотный целует туман.

Под глубоким, пушистым налетом
Ослепительно белых снегов
Мертвецы приютилися — счетом
Девяносто рогожных мешков.

Нераздельною, братской семьею
Почиют они в недрах земли:
Кто с пробитой насквозь головою,
Кто с свинцовою пулей в груди...

И зловещие видели птицы:
Как в глубокий вечерний туман
Запыленные, грязные лица
Приходили на этот курган...

Как печально и долго стояли,
И пред тем, как с холма уходить,
Все угрозы кому-то шептали
И давали обет отомстить...

...И зловещие птицы узреют,
И близка уже эта пора:
Как кровавое знамя завеет
Над вершиной родного холма.

9. Декламация.

9-е января.

Их были тысячи. Доверчивой толпою
Они к дворцу царя с его портретом шли:
Священник впереди, за ним кресты, иконы,
По сторонам хоругвей ряд несли.

В морозном воздухе проглядывало солнце,
Далекий путь толпы был снегом заметен.
Холодный ветер стих и замер, удивленный:
Такой толпы не видывал и он.
Шли братья с сестрами, товарищи, подруги,
Друзья, знакомые; шли матери, отцы,
С седобородыми, согбенными летами,
Бок-о-бок шли безусые юнцы.

Их были тысячи. Они молитвы пели
И шли сказать царю, сколь горек их удел,
И шли просить царя, чтоб твердым, царским словом
Признать права народные велел.

„Усердьем слуг твоих, — воров и скоморохов,
Одетых в золото кровавых палачей, —
Мы пухнем с голоду под хохот произвола,
Под лязг и звон бесправия цепей.

Заступник наш и царь. Ты выслушать нас должен,
Как слушает детей заботливый отец...“
Их были тысячи. Но не сбылась надежда
Доверчивых измученных сердец:

Их залпом встретили, их шашками рубили,
Без сожаления калечили на век...
И дрогнула толпа. И вдруг остановилась,
В смятении приникнула на снег:

„Проклятие рабам, рабам братоубийцам.
Но трижды проклят тот, кто убивать велел...“

И в этот страшный миг, людским проклятьям
вторя,
Взметая снег, вновь ветер зашумел...

Убиты многие. Но с ними же убили
И веру у живых в заступника-царя.
И, возмущенные, без слов, без рассуждений,
Все поняли: жить дальше так — нельзя...

Угаснул солнца луч. Над городом кровавым
Спустилась скорби ночь. И не зажглись огни:
В тревожных улиц мгле, на площадях безлюдных
Вокруг костров пикеты лишь одни.

И кто-то, плачущий беспомощным дитятей,
Тревожно у домов кружился, завывал,
И кто-то, призраком тоскующим и гневным,
Настойчиво к отмщенью призывал...

Н. Рыбацкий.

Павшим 9-го января.

Память погибших героев священна...
В мирной ли жизни, в грозный ли год,
Всюду над нами звенит и поет
Клич их орлиный, зовет неизменный:
„Смело по нашим могилам вперед“.

В битве за счастье, в борьбе переменной,
Может, из нас не один упадет...
Будем же биться, чтоб в должный черед
Бросить отставшим наш клич неизменный:
„Смело по нашим могилам вперед“.

А. Маширов-Самобытник.

Трудовому народу.

Под тягостным гнетом царя и вельмож
Вы видели в сумерках жизни
И злобы, и рабства бесстыдную ложь,
Несущую помощь отчизне.

Вас всюду стерег по дорогам кабак,
Ваш царь — всей неправды потатчик,
Народного блага упорнейший враг,
Был первый над всеми кабатчик.

Капканами были для нас города,
Терзалося сердце от боли...
Вы им отдавали все благо труда,
Себе-ж оставляли мозоли.

Вы строили дачи, дворцы и дома,
А сами ютились в лачугах,
Где душу томили безволье и тьма,
А тело страдало в недугах.

На фабриках — бархат, сукно и атлас
Вы ткали, склонясь над станками,
Но в рубище дети ходили у вас,
И всюду их гнали пинками.

Вы строили много дорог и мостов
Богатым и сытым в угоду,
А сами — проселком меж сирых кустов
С котомками шли в непогоду.

Домой возвращаясь, в убогой избе
Вы видели ужас разрухи,
Вы чуяли сердцем, что к вашей судьбе
Все сытые чужды и глухи.

С. Заревой.

9-е января.

I.

Неволи царской боль остра,
Кто дерзко встанет на порог.
Кто прозвенит в мятежный рог.
Пора, пора, пора.

О, день суровых первых проб,
Призывный праздник января,
Отцовской веры — верный гроб,
Грядущего заря.

Довольно в сумерках гореть.
Пора свободу дать сердцам,
Разрушить гнет иль умереть,
Последний раз — к дворцам.

О, дайте, дайте нам вздохнуть,
Открыть на волю дайте дверь.
И грянул залп... Железом в грудь
Ответил лютый зверь...

Но в окровавленном снегу
Услышит ветер наш зарок,
Он прозвенит в железный рог.
Ответный гроб — врагу.

Из темных корпусов завода
Выходят толпы там и тут...
Сегодня первый раз свобода
Зажгла огнем мятежный труд.

А ветер в воздухе полощет
Хоругви сумрачной крыло,
Сегодня выйдет царь на площадь,
И будет солнечно, светло.

В грядущих звуках колокольных
Душа куда-то рвется вдаль...
И он прочтет из рук мозольных
Железной повести печаль...

Зачем же скорбною разлукой
Мне сердце бедное гнетет...
Подаст ли нам свою он руку
И защитит ли от господ...

Но если в ледяной пустыне
Порыв живой погибнет зря...
Тогда мы скажем, что отныне,
Отныне нет у нас царя.

III.

Свершилось. Круг волшебный начат.
Взметнулось пламя гордых душ.
Зачем же ветер скорбно плачет,
И белый снег угрюмо прячет
Следы кровавых, темных луж.

Глухой дворец смеется скупо:
Вот, мол, вам царская любовь...
Кругом неубранные трупы,
Да взвод солдат нетрезвых глупо
Свои винтовки целит вновь...

Мираж рассеялся лукавый,
Угасло пламя первых встреч,
И был не царь — палач кровавый,
Так пусть гремит грозою правой
Над ним карающий наш меч.

IV.

Вставай поднимайся, рабочий народ,
В суровой борьбе — поворот...

Дохнул из предместья, сквозь копоть и гарь,
Грозой обожженный январь.

„Вставай, поднимайся“ в подполье глухом
Гремит искупительный гром.

И гневных сердец окрыленную ширь
Не сломит тюрьма и Сибирь...

„Вставай, поднимайся“ предместья поют,
Стальные гиганты встают.

И выстрелам царским ответит набат,
Мятежным огнем баррикад.

V.

За нашу кровь придет расплата,
Душа солдата не мертва.

В грозе весеннего раската
Созреют вольные слова.

В казарме сумрачной, острожной
Он страх свой ложный проклянет,
И наша кровь в душе тревожной
Священным гневом расцветет.

В неумолимом приговоре —
В железном споре — дрогнет враг.
Как буревестник, в Черном море
Взовьется вольный, красный флаг.

И пролетарской власти дверца,
Как лев, поднимется Кронштадт.
Свеаборг — пламенное сердце —
Забьется с нашим сердцем в лад.

И грянет колокольной песней
Старинка — древняя Москва.
Над окровавленною Пресней
Сплетется красная молва.

И ни сомненьем, ни изменой
Не осквернится наша кровь.
В тревожных выстрелах над Леной
Она грозой воспрянет вновь.

И в годы горя жизни бледной
Она скует железный щит
И, словно колокол победный,
В октябрьский праздник зазвучит.

А. Маширов-Самобытник.

„Мы шли".

Смело и дружно вперед... К ясно намеченной цели
Прямо в лазурное небо от грязи и пыли земли.
Пусть не дойдем. Лишь бы после мы вымолвить
гордо посмели:

Да, не дошли... Но мы шли.

За день звучат голоса. Стойте, безумцы... Куда вы?
Воздуха в небе не хватит тому, кто родился в пыли.
Други... Не верьте... А если... Ну, пусть они даже
и правы.

Пусть не дойдем... Но мы шли.

Круче и круче под'ем. Воздух все чище и чище...
С воем и грохом мчится лавина, сорвавшись
вдали...
Други, мужайтесь. Лавина не хуже земного
кладбища...

Пусть не дойдем, но мы шли.

Выше. Но нечем дышать... Пусть же умрем мы
у цели...
Пусть даже будем посмешищем будущим чадам
земли.
Пусть... Лишь бы сами себе, не краснея, сказать
мы посмели:

...Мы не вернулись. Мы шли.

К. Митрин.

Сегодня.

Сегодня
Толпами вышли
Улицы городов.
Сегодня
Души людские вышли
Из берегов.
Сегодня
Последние трапы
И мосты в Былое сожжены.
Сегодня
Самый слабый —
Мощь свободной страны.
Сегодня
Сердца колотятся
В гордую грудь-барабан.
Сегодня
Солнцем носится
В каждой петличке кровавый бант.
Сегодня...
Но... не сегодня лишь
Рушились стены границ.
Сегодня
Плакатами подняли
Небо для мыслей-птиц.
Сегодня куют в преисподней
Лезвия звездных гвоздей...
Слава тебе, Сегодня, —
Матери завтрашних дней.

А. Безыменский.

Восставший народ.

Пускай он измучен тяжелой неволей.
Пускай он изранен в жестоких боях...
Народ-великан не расстанется с волей.
Народ возрожденный не будет в цепях.
Покинет ли солнце небесные своды,
Погаснет ли светлого счастья звезда.
Восставший народ не забудет свободы,
Не будет томиться в плену... Никогда.
Стеною он встанет за правое дело,
И, если враги захотели с ним встреч,
В стихийном порыве бесстрашно и смело
Поднимет он грозный, карающий меч.
Он встанет, могучий и грозный... К победам
Он будет стремиться, не зная преград...
Ему не пугаться, привыкшему к бедам,
Кующему счастье в огне баррикад...
Напрасно враги ему роют могилу,
Напрасно хотят ему цепи вернуть...
Ничем не сломить исполинскую силу,
Ничем не разбить богатырскую грудь...

П. Арский.

10. Ко дворцу.

(Из очерка „9-е января“).

Толпа напоминала осенний, темный вал океана, едва возбужденный первым порывом бури; она текла вперед медленно; серые лица людей были подобны мутно-пенному гребню волны.

Глаза блестели возбужденно, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь сами себе... Слова кружились над толпой, как маленькие серые птицы.

Говорили негромко, серьезно, как бы оправдываясь друг перед другом.

— Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...

— Без причины народ не тронется...

— Разве „он“ это не поймет...

Больше всего говорили о „нем“, убеждали друг друга, что „он“ добрый, сердечный и — поймет, все поймет... Но в словах, которыми рисовали его образ, не было красок. Чувствовалось, что о „нем“ никогда не думали серьезно, не представляли его себе живым, реальным лицом и даже плохо понимали, зачем „он“ и что может сделать. Но сегодня „он“ был нужен, все торопились понять его и, не зная того, который существовал в действительности, невольно создавали в воображении своем нечто огромное. Велики были надежды и требовали великого для опоры своей.

Порою в толпе раздавался дерзкий человеческий голос:

— Товарищи! Не обманывайте сами себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми и раздраженными всплесками криков толпы.

— Мы желаем открыто...

— Ты, брат, молчи.

— К тому же отец Гапон...

— Он знает, как надо...

Лица у толпы еще не было, было только неясное очертание чего-то широкого, расплывчатого, мягкого. Взволнованное, оно нерешительно плескалось в канале узкой улицы, разбиваясь на отдельные группы; сливалось густою толпой, гудело, споря и рассуждая, толкалось о стены домов и снова заливало середину улицы темной, жидкой массой; в ней чувствовалось смутное брожение сомнений, было ясно видно напряженное ожидание чего-то всем нужного, что осветило бы путь к цели верою в успех и этой верой связало, сплавило все куски в одно крепкое, стройное тело.

День был такой же пестрый, как настроение толпы. На небе, между серых облаков, являлось солнце, освещало лица холодным блеском и исчезало вновь, покрывая их одноцветной тенью неуверенности. Переливаясь из улицы в улицу, масса людей быстро росла, и этот рост внешний постепенно вызывал ощущение внутреннего роста, будил сознание права народа — раба просить у власти внимания к своей нужде.

— Мы тоже люди, как никак...

— „Он“, чай, понимает, — мы просим...

— Должен понять... Не бунтуем...

— Опять же отец Гапон...

— Товарищи. Свободу не просят...

— Ах, господи.

— Только бы допустили нас...

— Да погоди ты, брат...

— Гоните его прочь, дьявола.

— Отец Гапон лучше знает, как...

Лица загорались, глаза сверкали ярче, ускорялся шаг, быстрота движения тела еще больше волновала душу. Все увеличивалась масса толпы, на улице стало теплее, голоса звучали с большою силой.

— Не надо нам красных флагов, кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шел во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

— Мы к отцу идем...

— Так.

— Верим ему.

— Не даст в обиду.

— Красный цвет—цвет нашей крови, товарищи,—упрямо звучал над толпой одинокий, звонкий голос.

— Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа.

Толпа, опьяняясь своим настроением, обрадованная тем, что, наконец, пришло оно и крепко обняло ее, ворчала.

— Не надо...

— „Он“ поймет...

— Вот человек, ах ты...

— Ежели до него допустят...

— Смутьяны, черти.

— Отец Гапон — с крестом, а он с флагом.

— Молодой еще, но тоже, чтобы командовать...

— Мы желаем мирно.

— Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и оттуда раздраженно и тревожно кричали:

— Гони его с флагом...

Когда толпа вылилась из улицы на берег реки к Троицкому мосту и увидела перед собой длинную ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост, людей не остановила эта тонкая серая изгородь. В фигурах солдат, четко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга. Впереди, за рекой, люди видели темный дом — там ждал их „он", хозяин дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать своим солдатам, чтобы они не допускали до него народ, который его любит и желает мирно говорить с ним о своих нуждах.

Но все-таки на многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы замедляли свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону, все старались показать друг другу, что о солдатах они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестевшего высоко на небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболезнуя, произнес:

— Холодно солдатам...

— Н-да-а...

— А надо стоять.

— Солдаты для порядка.

— Спокойно, ребята... Смирно...

— Иди, иди...

— Ура, солдаты — крикнул кто-то.

Офицер в желтом башлыке на плечах выдернул из ножон саблю и тоже что-то кричал навстречу толпе, помахивая в воздухе изогнутой плоской сталью. Солдаты встали неподвижно, плечо к плечу друг с другом.

— Чего это они? — спросила полная женщина.

Ей не ответили. И всем как-то вдруг стало трудно итти.

— Назад! — донесся крик офицера.

Несколько человек оглянулись — позади них стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей, толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышли вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали:

— Мы – к государю нашему...

— Вполне спокойно...

— Назад. Я прикажу стрелять...

Когда голос офицера долетел до толпы, она ответила его словам глухим эхом удивления. О том что, не допустят до „него", некоторые из толпы говорили и раньше, но чтобы стали стре-

лять в народ, который идет к „нему“ спокойно, с верою в его силу и доброту, это нарушало цельность созданного образа. „Он“ — сила выше всякой силы, и ему некого бояться, ему незачем отталкивать от себя свой народ штыками и пулями... Угроза стрелять была необ'яснима, обидна...

Худой, высокий человек с голодным лицом и черными глазами вдруг закричал:

— Стрелять. Не смеешь...

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

— Что! Говорил я — не допустят они...

— Кто... Солдаты?

— Не солдаты, а там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

— Выше которые... Ага. Я же говорил.

— Это еще неизвестно...

— Узнают, зачем идем, — пустят...

Шум рос. Были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии. Здравый смысл разбился о нелепость преграды и молчал. Движения людей стали нервнее, суетливее; от реки веяло острым холодом. Неподвижно блестели острия штыков.

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все, — мужчины, женщины, подростки, — тоже махали белыми платками.

— Какая там стрельба. К чему она,—солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде.— Просто они не пускают на мост... дескать,— идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерли. Масса продолжала тихо подвигаться вперед.

— Холостыми...—не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла вперед, на штыки, вытянутые на встречу ей. За нею бросились еще люди и еще, охватывая ее, забегая вперед нее.

И снова треск ружейного залпа, еще более громкий, более неровный. Стоявшие у забора слышали, как дрогнули доски, точно чьи-то невидимые зубы злобно кусали их. А одна пуля хлестнулась вдоль по дереву забора и, стряхнув с него мелкие щепки, бросила их в лица людей Люди падали по-двое, по-трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непре-

рывной, напряженно дрожащей пестрой тучей криков, острой боли, мести, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь...

Солдаты стояли неподвижно, опустив ружья к ноге, лица у них были тоже неподвижные, кожа на щеках туго натянулась, скулы остро высунулись. Казалось, что у всех солдат — белые глаза и смерзлись губы.

В толпе кто-то кричал истерически громко:

— Ошибка. Ошибка вышла, братцы... Не за тех приняли... Не верьте... Иди, братцы, . надо объяснить... Ах, господи... вед... это что же.

— Гапон - изменник! — вопил подросток - мальчик, влезая на фонарь.

— Что, товарищи, как, встречают нас...

— Постой... это ошибка... не может этого быть, ты пойми. Али ты не человек...

— Это вы не люди, вы — овцы, стадо, и вот как вас...

— Пропусти... сторонись...

— Дай дорогу раненому...

Двое рабочих и женщина вели высокого худого человека; он был весь в снегу, из рукава его пальто текла кровь, Лицо у него посинело. заострилось еще более, и темные губы, слабо двигаясь, прошептали:

— Я говорил... не пустят... они его скрывают.. что им — народ...

— Ребята... Конница.

— Беги...

Стена солдат поколебалась и растворилась, как две половины деревянных ворот; танцуя и фыркая, между ними проехали лошади, раздался крик офицера, над головами конницы взвились, разрезав воздух, сабли, замахнулись все в сторону. Толпа стояла и кричала, волнуясь, ожидая, не веря.

Стало тише...

— Ма-арш... раздался неистовый крик.

Как будто вихрь ударил в лицо людей, и земля точно обернулась кругом под их ногами, все бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга, кидая раненых, прыгая через трупы. Тяжелый топот лошадей настигал, солдаты выли, их лошади скакали через раненых, упавших, мертвых, сверкали сабли, порою был слышен свист стали и удар ее о кость. Крик избиваемых сливался в гулкий и протяжный стон.

— А-а-а.

Солдаты взмахивали саблями и опускали их на головы людей, и вслед за ударом тела их наклонялись на бок. Лица у них были красные, безглазые и точно опухшие. Ржали лошади, страшно оскаливая зубы, взмахивая головами...

Народ загнали в улицы.

Максим Горький.

11. 9-е Января.

„Государь, мы, рабочие, дети наши, жены и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали,

нас угнетают, обременяют непосильными трудами, над нами надругаются и в нас не признают людей, — к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества. Нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению; для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук".

Такими торжественными нотами, в которых угроза пролетариев заглушает просьбу подданных, начиналась знаменитая петиция петербургских рабочих. Она рисовала все притеснения, оскорбления, которым подвергался народ, она перечисляла все: от сквозняков на фабриках и до политического бесправия в стране. Она требовала амнистии, публичных свобод, отделения церкви от государства, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы и постепенной передачи земли народу. Но в первую голову она ставила созыв учредительного собрания путем всеобщего и равного голосования.

„Вот, государь, — так заканчивала петиция, — главные наши нужды, с которыми мы пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их — и ты сделаешь Россию сильной и славной, запечатлеешь имя твое в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умрем здесь на

этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути — или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них, — мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы то и был путь к смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам не жалко этой жертвы — мы охотно принесем ее“...

И они принесли ее...

Ход событий в памяти у всех. Они развернулись в несколько дней с замечательной планомерностью. 3-го января вспыхнула забастовка на Путиловском заводе. 7-го января число забастовщиков достигло 140.000. Кульминационным пунктом стачки было 10-е января. 13-го уже начали приступать к работам. Итак, сперва экономическая стачка по случайному поводу. Она расширяется, захватывает десятки тысяч рабочих и тем самым превращается в политическое событие. Ею руководит „общество фабричных и заводских рабочих“, организация полицейского происхождения.

Выдвигается социал-демократия. Враждебно встреченная, она вскоре приспосабливается к аудитории и овладевает ею.

При одиннадцати отделах рабочего „Общества“ шли непрерывные митинги. Вырабатывалась петиция, и обсуждался план шествия ко дворцу. Гапон раз’езжал из отдела в отдел; социал-демократические агитаторы потеряли голоса и падали

от усталости. Полиция ни во что не вмешивалась. Ее не существовало.

Согласно уговору, шли ко дворцу мирно, без песен, без знамен, без речей. Нарядились в праздничные платья. В некоторых частях города несли иконы и хоругви. Всюду натыкались на войска. Умоляли пропустить, плакали, пробовали обойти, пытались прорваться. Солдаты стреляли целый день. Убитые исчисляются сотнями, раненые — тысячами. Точный учет невозможен, ибо полиция ночью увозила и тайно зарывала трупы убитых.

В 12 час. ночи 9-го января Георгий Гапон писал:

„Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю“.

(Л. Троцкий, „1905 год“.)

12. Лозунги.

1. Власть Советов — нерасторжимый Союз крестьян и рабочих — лучший памятник погибшим 9-го января.

Вечная память безвестным жертвам.

2. Из проклятья русско-японской войне родилось 9-е января 1905 г.; из проклятья империали-

стической войне 1914 г. родился великий Октябрь; из проклятья мировым войнам родится Международный Октябрь.

3. И каждый вздох измученных рабочих грозой грядущей будет искуплен.

4. 9-е января — пролог пролетарской революции.

5. Будем достойными потомками великих отцов.

6. 9-е января 1905 г. — великая весть о начале русской революции.

7. 9-е января 1905 г. в русском крестьянине проснулся пролетарий всероссийский.

8. Из цепей, из боли и страданий, к новой жизни землю претворим.

9. Стойте на страже, добытого муками, счастья народного.

10. Еще в борьбе промчатся годы, но мы сильны.

11. Через диктатуру класса к счастью всего человечества.

12. Чтобы достойно встретить зарево свободы, поспешим, кто силен, к горнам и станкам.

13. О, пусть в борьбе мы щедро гибли на утренней заре, мы памятник живой воздвигли — в мятежном октябре.

14. „Проклятье дням суровой, рабской доли, мертвящим дням. К солнцу, к воле, к жизни яркой и достойной человека мы пойдем“.

15. Никогда не забудем мы красных могил и полей, освященных пылавшим пожаром, перед которым померкло сияние небесных светил.

X. Программа кружка по „Революции 1905 года"*).

Методическая записка.

Красная нить всего материала — отсутствие революционности в массе рабочего класса перед 1905 годом. На почве несознательности, наивной и темной веры в бога и царя вырастает идея „полицейского социализма". Финал — расстрел рабочих, потеря „царя" и „бога" и предчувствие необходимости революции. Так траурность финала и мысль о великом вожде, чем закончится вечер 1905 года, приведет слушателей к воспоминаниям о Ленине — 23-го января.

Весь материал распределяется по часам таким образом: Введение — 4 часа. „Зубатовщина" — 18 час. „Гапоновщина" — 12 час. Для драматизации — 14 час. Момент драматизации начинается сразу после разработки материала раздела I пункта 1-го. Создается сцена массового рабочего движения.

Метод работы кружковой — каждый раздел рассчитан на 6 часов, из которых — 2 часа используются для подготовительной беседы, раздаются темы, указывается материал; следующие 2 часа

*) Составлена В. Н. Воскобойниковым для клуба Я. М. Свердлова (в Кремле).

делается проверка проработанного, выясняются недоразумения, пополняются материалы; наконец, последние 2 часа происходит заключительная работа, — читаются доклады, демонстрируются работы графические, после чего переходят к вещественному оформлению.

Программа кружка.

Вводная беседа — экономические предпосылки революции 1905 года. Аграрные отношения. Помещичье и крестьянское хозяйство. Классовый смысл столкновения. Крестьянство, как союзник пролетария. Рост капитализма и его отношение к внешней торговле. Темп развития русской промышленности. Буржуазия и царизм. Положение рабочих (4 часа).

I. „Полицейский социализм".

Промышленный кризис и массовое движение рабочих.

1. Рост промышленности в конце XIX в. Внутренний рынок и промышленность. Расслоение крестьянства; образование сельской буржуазии. Сибирская жел. дорога и русская металлургическая промышленность. Кризис металлургической промышленности и рабочее движение. Три фазы рабочего движения: экономическая борьба и текстильщики. „Экономисты" и эс-эры. Вторая фаза —

классовое движение; политические лозунги его; металлисты и их роль в рабочем движении; промышленный кризис и новые требования рабочих (6 часов).

2. Стихийное рабочее движение и царское правительство. Рабочий-революционер и массы. Проекты правительства забрать руководство массой в свои руки (Святополк-Мирский и Шувалов). Зародыш „зубатовщины“ — в конце XIX ст. Третья фаза рабочего движения — демонстрации, забастовочное движение.

3. Зубатов и его проект социализма. Зубатовский „конституционализм“. „Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве“. Принцип „орабочивания“ организации. Роль полиции в рабочей организации.

Первый опыт массовой демонстрации под руководством полиции 19 февраля 1902 г.

Культ.-просвет. работа в „зубатовских“ обществах и буржуазная интеллигенция: Опасные признаки массового движения; зубатовщина и классовое сознание рабочих. „Социалистические“ обещания „зубатовцев“. Борьба зубатовцев с революционной мелкой интеллигенцией. (6 часов).

4. „Зубатовщина“ и русская буржуазия. Иностранный капиталист и зубатовская забастовка. Проект министерства финансов учреждения „фабричных старост“ и легализации стачек. Борьба предпринимателей с Зубатовым и падение последнего. Зубатовщина в Варшаве и Одессе. Классо-

вая стихийная волна рабочего движения и „зубатовцы“ (6 часов).

II. 1) Промышленный кризис и внешняя политика. Взаимоотношения русского и иностранных капиталов. Дальневосточная политика и металлургический кризис. Империалистические вожделения Николая II. Рост монополистического капитала в России перед 1905 г. Промышленный капитал и самодержавие. Торговый капитал и дальневосточная политика. Идеология крупной буржуазии и „левые“ земцы. Курс на революцию (6 часов).

2) Русско-японская война. Отношение к войне народных масс и „общества“. Неудачи торгового капитала. Союз буржуазии и интеллигенции. „Союз Освобождения“. Убийство Плеве и разгром русских войск в Манджурии, как толчки для панического настроения правительства и революционного — у буржуазии. Правительственная „весна“. Революционные организации. „Наследник“ Зубатова — Гапон. Личность Гапона. Связь Гапона с полицией. „Собрание русских фабрично-заводских рабочих“. Рост Гапоновских организаций и причины их успеха.

Подготовка рабочей манифестации. Путиловская стачка и стихийное движение; петиция Гапона и закулисные авторы ее. 9 января („Кровавое воскресенье“). 9-е января, как исходный пункт революции 1905 г. (6 часов).

Драматизация момента (14 часов).

Основная мысль темы — „Полицейский социализм“ — дает богатый материал для драматизации: 1) Массовое, стихийное рабочее движение; наивная доверчивость рабочих, вера в царя и бога. 2) Зубатов, Шаевич, Вильбушевич и Гапон — олицетворение подлости самодержавия. 3) Кровавая расправа с рабочими в момент их наивысшего доверия. — Вот три мотива для драматического оформления. Композиция такова: 1) „Сон начальника сыскной полиции“ — на аван-сцене — спящий Зубатов, на сцене — короткие, но живые картины — высыпает масса рабочих, волнующихся, шумящих; то и дело подходят делегаты с других заводов, высказывают свои нужды, прогоняют мастеров, в страхе прячутся предприниматели. Появляется Зубатов, поддакивает рабочим, громит предпринимателей. Рабочие аплодируют, выражают доверие. Зубатов на высоком пьедестале, к которому тянутся доверчивые рабочие с семьями. Сбоку — капиталисты суют в карманы Зубатова мешки с деньгами. А сзади Зубатова тянутся за ним хвосты „полицейских социалистов“ — Муссолини, фашисты и пр. современные служители капиталу.

2) Сцена забором разделяется на две части: большую занимают рабочие — митинг — говорят об экономических и политических требованиях, массы прибывают, настроение бурное, боевое; за за-

бором — Зубатов, Шаевич, Вильбушевич и Гапон, они смотрят в щель забора, их пугает растущая масса рабочих; они спорят между собой, каждый высказывает план руководства рабочими. Гапон молчит. К нему пристают, он, заявляя, что знает великое средство держать в руках рабочих, с тайной своей незаметно исчезает. Приходят капиталисты, они растеряны и озлоблены, набрасываются на Зубатова; последний уверяет, что рабочие идут за ним. Шаевич выходит к рабочим, говорит речь, рабочие, несмотря на уловки оратора, говорят о политических требованиях. На вопрос Шаевича, чего они хотят: „лбом об стену или сверлить ее“? — мощно отвечают: „лбом об стену“. Шаевич убегает. Капиталисты набрасываются на Зубатова и уводят его.

3) Гаповщина: а) Гапон — в салоне гофмейстерины Хитрово, здесь митрополит Антоний, Зубатов, финансовые тузы — разговор о рабочем движении. Гапон, мечтающий о „лаврах“ Зубатова, из зависти критикует его, пугает „благородное“ общество. Все ждут от него спасения. Гапон ссылается на православие рабочих, говорит о своем сане, открывающем сердца рабочих; б) собрание в одном из „Союзов“ Гапона. Серая масса рабочих, Гапон произносит горячую речь, плачет с рабочими, мечтает об обуздании капиталистов и о „добром батюшке-царе“. Выступают ораторы и революционные организации — их не слушают, кричат „долой“, один, пользуясь отсутствием

Гапона, от имени его произносит речь, излагая программу партий, рабочие аплодируют. В присутствии Гапона выступают рабочие с обвинением Гапона в связи с охранкой. Гапон выходит из себя, неистовствует; рабочих-обвинителей полиция уводит. Начинает и оканчивает собрание Гапон молитвой общей (момент для антирелигиозной пропаганды и хороший контраст с „Интернационалом"); в) подготовка манифестации. Выработка петиции, в работе участвует прогрессивная интеллигенция (будущие кадеты), митинг, на котором рабочие принимают петицию и отправляются с пением „Спаси господи" к Зимнему дворцу. Попытки революционных ораторов образумить остановить — отклоняются; г) „Кровавое воскресение" — по Горькому. „9-е января"; д) финал — рабочие, после доказанности обвинения Гапона в предательстве, вешают его.

Литература.

Троцкий, Л. — „1905 г.".

Покровский, М. — „Русская история в сжатом виде" ч. III.

Его же — „Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в.".

Айзнафт — „Зубатовщина и Гапоновщина".

Морской — „Зубатовщина".

Георгий Гапон — „Записки".

Сверчков Дм. — „На заре революции".

XI. Краткая библиография.

1. В. И. Ленин — 1905 год., т. VI, стр.59 — 74. Основные отрывки, относящиеся к 9-му января, приведены в книге. Следует лишь помнить, что статьи писались непосредственно после событий 9 янв., отсюда неверная оценка Гапона, но в целом статьи проникновенно и глубоко оценивают первую русскую революцию (1905 г.) и дают блестящий прогноз будущего, намечая дальнейшие пути российского пролетариата.

2. Сверчков. — „На заре революции„ — книга, которую нужно рекомендовать для широкой рабоче-крестьянской массы. Написана очень увлекательно.

3. Айзнафт — „Зубатовщина и гапоновщина“ — изд. ВЦСПС — изд. 2-е. М. 1924 г. Компилятивная книга, заключающая ценный материал. Необходима, как пособие для кружковой работы.

4. „Красная летопись“ за 1922 г. № 1 — исторический, архивный материал. По богатству сырого материала пока единственное по полноте издание.

5. „Былое“ № 11 — 12 и № 2 — 24 за 1917 г. — „Записки Рутенберга“ — человеческий документ

о Гапоне. В основном использован в настоящей книге.

6. А. Ельницкий—„История рабочего движения в России“ ч. II, XX век, 1918 г., стр. 175. Хороший исторический очерк, но не об'ективный, автор—меньшевик.

7. С. Пионтковский—„9 января 1905 г.“—популярный о ерк—сжато, выпукло, обрисовывающий значение 9 января 1905 года.

Пособия для клубной работы.

1. Пролетарские праздники в рабочем клубе—„Кр. Новь“—М. 1923 года.

2. „9 января“—сб. под ред. Фриче—„Новая Москва“ 1924 года.

3. „9 января“—сб. под ред. Смушкова—Х. 1924 года.

4. „9 января в клубах молодежи“—собр. Щелканов.—„Молодая Гвардия“ М. 1924 г., изд. 2-е.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 60 коп.

